

Критическая геополитика

Сборник статей
Выпуск № 1

Клуб геополитических исследований
Научного студенческого общества МГИМО (У) МИД России

Исследовательская группа по политической географии и геополитике
Молодежного отделения Российской ассоциации политической науки

Критическая геополитика

Сборник статей

Выпуск № 1

Ответственные редакторы: И.Ю. Окунев, С.О. Савин

Издан при финансовой поддержке
Фонда развития МГИМО (У) МИД России

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

г. Ногинск

2014

УДК 327

ББК 66

К 826

Рецензенты:

Бусыгина И.М., доктор политических наук.

Баринов С.Л., кандидат географических наук.

К 826 Критическая геополитика. Сборник статей. Выпуск № 1 /

Отв. редакторы И.Ю. Окунев, С.О. Савин. –

г. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2014. – 160 с.

ISBN 978-5-905277-34-4

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных членами Клуба геополитических исследований НСО МГИМО (У) МИД России и участниками конференции «Современные направления геополитических исследований: пространство, власть, политика», которая состоялась в МГИМО (У) МИД России 20 ноября 2013 г. Статьи развивают в теоретическом и прикладном ракурсах новое направление в современной геополитике – критическую геополитику.

Сборник предназначен для политологов, международныхков, географов и всех интересующихся ролью пространства в социальных процессах.

ISBN 978-5-905277-34-4

ББК 66

© МГИМО (У) МИД России, 2014

© Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС», 2014

Содержание

Предисловие.....	6
I. Постмодернистский сдвиг в исследовательской парадигме геополитики	8
<i>Окунев И.Ю.</i> Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики	8
<i>Ляховенко О.И.</i> Концепции критической геополитики Дж. О’Тоала: на пути к осмыслению геополитики XXI в. ..	26
<i>Кучинов М.А.</i> Геополитика и постструктурализм: возможности интеграции	37
<i>Орлеанский Н.Н.</i> Пространственный аспект биополитической концепции М. Фуко.	43
II. Пространственная идентичность в российских регионах (по результатам экспедиции клуба в Санкт-Петербург и Ленинградскую область)	52
<i>Окунев И.Ю.</i> Роль интерпретации пространства в формировании идентичности (на примере российско-европейского пограничья)	52
<i>Доманов А.О.</i> Европейская идентичность в приграничных регионах СЗФО (количественный анализ).....	56
<i>Савин С.О.</i> Географическое воображение и пространственные мифы в устных свидетельствах (на примере города Кронштадт).....	63
<i>Бахчиванжи В.П.</i> Особенности пространственной идентичности (на примере г. Выборг)	67
<i>Талыбов П.З.</i> Особенности пространственной идентичности – Санкт-Петербург	71

<i>Басова Д.В.</i> Идентификация Кронштадта через пространственные аллюзии прошлого	74
<i>Жирнова Л.С.</i> Особенности пространственной идентичности в г. Выборг (на основе анализа названий улиц и предприятий общепита)	79
<i>Манжина Н.А.</i> Особенности пространственной идентичности в г. Кронштадт (на основе анализа названий улиц и предприятий общепита)	84
III. Геополитические пространства и представления	86
<i>Ренард-Коктыш А.В.</i> Геополитическое и идеологическое пространства евразийского нацистроительства.....	86
<i>Жирнова Л.С.</i> Пространственные идентичности в российских регионах (на основе анализа названий предприятий общественного питания).....	92
<i>Полонская Д.Д.</i> Влияние политической мифологии на имидж государства	97
<i>Туров Н.Л.</i> Идеологический проект «Великая Албания» на современной ПКМ.....	100
<i>Голованова В.А.</i> Региональная метрополия Кавказские Мине- ральные Воды как геополитический центр Юга России ...	110
<i>Егоров Д.В.</i> Подходы к концепциям развития Сибири. Проклятие или сокровище	118
VI. Информационное пространство	124
<i>Кабанов Ю.А.</i> Информационное пространство как новое (гео) политическое пространство: роль и место государств	124
<i>Пиченко Н.А.</i> Социальные медиа в современных геополитических процессах	138

<i>Виловатых А.В.</i> Информационный фактор в динамике современных геополитических процессов.....	144
<i>Братина Д.Н.</i> Угрозы безопасности Украины в информационном пространстве	148
Авторы	157

Предисловие

Уважаемому читателю предлагается первый выпуск серии сборников статей клуба геополитических исследований НСО МГИМО (У) МИД России.

Клуб геополитических исследований НСО МГИМО был создан инициативной группой студентов в 2013 г. при непосредственной поддержке Факультета политологии, Кафедры сравнительной политологии и Фонда развития МГИМО. На его базе была воссоздана Исследовательская группа по политической географии и геополитике Молодежного отделения Российской ассоциации политической науки. Целью клуба является объединение заинтересованных студентов и приобщение их к научной деятельности путем проведения серии политико-географических эмпирических (в том числе, полевых) исследований и экспедиций. Особое внимание клуб уделяет вопросам критической геополитики, которая предлагает новаторские подходы и методы изучения насущных геополитических проблем. Клуб приглашает к участию и сотрудничеству студентов, аспирантов и молодых исследователей.

С 10 по 13 октября при поддержке гранта Фонда развития МГИМО были проведены исследования в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

В рамках поездки 10 октября группа студентов-членов геополитического клуба МГИМО под руководством И.Окунева приняла участие во II ежегодной конференции отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге «Октябрьские чтения – 2013».

11–13 октября участники экспедиции провели полевые исследования пространственных мифов и идентичностей в городах Санкт-Петербург, Кронштадт и Выборг. В рамках исследования фиксировались как осознаваемые, так и неосознаваемые проявления пространственного воображения, проводился сбор письменных и устных материалов, которые в дальнейшем были подвергнуты тщательному анализу.

Результаты и ключевые выводы экспедиции были представлены на конференции «Современные направления геополитических исследований: пространство, власть, политика» в МГИМО (У) МИД России 20 ноября, по результатам которой был опубликован данный сборник. Также в сборник вошли статьи коллег, представляющих различные вузы России, которые имеют непосредственное отношение к вопросам критической геополитики.

Савин С.О.

I. Постмодернистский сдвиг в исследовательской парадигме геополитики

Окунев И.Ю.

Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики

Геополитика как научная дисциплина до недавнего времени исходила из предпосылки, что пространство в некоторой степени способно детерминировать международные отношения и мировую политику. Однако в последние десятилетия и ее – пожалуй, чуть позже других социальных наук – затронул постмодернистский сдвиг: появилось целое направление, которое, отказавшись от глобальных рассуждений, обратилось к анализу того, как формируются геополитические представления. Ученые данного направления предположили, что геополитика государств формируется не под влиянием фундаментальных естественных законов и структуры пространства, а через географическое воображение и пространственные мифы, то есть, другими словами, под влиянием мира идеального. Это предопределило и обращение к новым методам исследования, в частности, дискурсу-анализу, что до сих пор в рассматриваемой дисциплине казалось nonsensom. Активно

развиваемое новое направление получило название критической геополитики.

Свою историю критическая геополитика ведет, по-видимому, с 1992 г., когда Джерард О'Тоал и Джон Энью опубликовали статью «Геополитика и дискурс: практические геополитические рассуждения в американской внешней политике»¹, в которой была высказана мысль о том, что все модели глобальной политики находятся под влиянием или даже непосредственно основаны на географических представлениях, чего совершенно не учитывала классическая геополитика.

Термин «критическая геополитика» был предложен Саймоном Дэлби и Джерардом О'Тоалом в конце 80-х годов; позже его стали использовать для обозначения нового направления в англо-американской политической географии. Появление данного направления было вполне закономерным: в конце периода холодной войны многие американские и европейские ученые чувствовали необходимость «ухватить» на тот момент едва уловимую связь между идеями и политическими практиками, связанными с территориальным экспансионизмом и доминирующей ролью пространства. Критическая геополитика критикует приверженцев традиционного подхода за поверхностную трактовку политической карты мира, евроцентризм, оправдание милитаризации, приведшей к гонке вооружений в Европе и других регионах в послевоенный период². Современная критическая геополитика

1 Tuathail G. O', Agnew J. 1992: Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. 1992. Vol. 11. Pp. 190–204.

2 Tuathail G. O' Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society // Journal of strategic studies. 1999. Vol. 22. № 2/3. Pp. 107-124.

отходит от традиционных бинарных оппозиций (внешний/внутренний, запад/восток и т.д.) и, с учетом глобализации и информатизации, предлагает вместо противопоставляющего «бинарного» (... или ...) «объединяющий» подход (... и ...).

По мнению О'Тоала, формальные географические рассуждения стоит отличать от практических рассуждений, которые используются ответственными лицами в международной политической практике, а также популяризируются СМИ.

Значение практических геополитических рассуждений может быть проиллюстрировано на примере термина «балканизм», обусловившего двойственность международной политики США в отношении распада Югославии. Беспощадность, имевшую место на Балканах, можно объяснить несколькими историко-географическими причинами. Подробно этот случай рассмотрен в работе Марии Тодоровой³. Случайное «перемещение» названия полуострова на название региона и жестокие войны в регионе способствовали укреплению на Западе стереотипа о Балканах как о неблагоприятном и опасном регионе. Балканы вообще стали символом жестокости и нестабильности. Их географическое положение «границы Европы» укрепляло стереотип о том, что Балканы не входят в состав Европы, являясь неким пограничным регионом между Европой и неевропейскими государствами. После Второй мировой войны с приходом коммунизма появилась возможность развеять сложившийся стереотип. Понятие Юго-Восточной Европы для обозначения данного региона появилось в конце XIX в., однако оно не прижилось, поскольку его использование предполагало, что данная территория признается частью

3 См.: Todorova M. *Imagining the Balkans*. N.Y.: OUP, 1997. 257 p.

Европы, а дурная репутация Балкан и этнические конфликты мешали такому признанию. Как утверждает Тодорова, именно образ «чужой», «другой» земли воспрепятствовал Европе решительно вмешаться для прекращения конфликта летом 1995 г. и помешал НАТО ввести войска: это означало бы признание Балкан критически важным регионом Европы, требующим стабилизации. То же обстоятельство побуждало США видеть в регионе потенциальную угрозу. Критическая геополитика, по мнению автора, может способствовать изменению подобных стереотипов.

К концу 90-х гг. критическая геополитика превратилась в междисциплинарную программу исследований, в рамках которой можно выделить четыре основных направления⁴: *практическая геополитика* (изучение географических и политических представлений/рассуждений в их практической реализации – политических практиках), *формальная геополитика* (изучение географического и исторического контекстов, в которых появились и развивались конкретные политические, географические и стратегические идеи), *популярная геополитика* (изучение воздействия геополитического образа на массовую культуру и формирование в обществе геополитических стереотипов), *структурная геополитика* (изучение влияния глобализации, информатизации и экономических преобразований на государственное управление).

Можно утверждать, что критическая геополитика отошла от традиционного понимания концептов «политический» и «географический», выйдя за рамки исследовательских задач, принимающих во внимание лишь физические границы, институт государственной

4 Dodds K. Political geography III: Critical geopolitics after 10 years // Progress in human geography. 2001. Vol. 25. № 3. Pp. 469–484.

Таблица 1. Основные направления критической геополитики

Тип геополитики	Объект исследования	Проблематика
Формальная геополитика	Геополитическая мысль и традиция	Персоналии ученых, институты и их политический и культурный контекст
Практическая геополитика	Практика управления государством	Практические размышления в сфере геополитике при осуществлении международной политики
Популярная геополитика	Массовая культура, СМИ и географические представления	Национальная принадлежность и создание образов других людей и мест
Структурная геополитика	Современное состояние геополитики	Глобальные процессы, тенденции и противоречия

власти и внешние условия; в сферу ее интересов вошли социальные науки, вопросы глобализации, идентификации и суверенитета.

Однако, помимо неоспоримых достоинств, критическая геополитика, по мнению Клауса Доддса, обладает существенными недостатками.

Во-первых, недостаточное внимание уделяется неевропейским геополитическим представлениям и формам правления (так, например, развитие геополитической мысли в России оказалось гораздо шире, чем его представляли на Западе).

Во-вторых, было выявлено, что в англоязычной критической геополитике практически не затрагивалась постколониальная проблематика: опыт постколониальных территорий и их развития критическая мысль не учитывала вообще. Подтверждением тому служит политика пищевой безопасности Китая, которая, по сути, поставила под сомнение аналогичную западную политику, что является ярким примером влияния культурного контекста на формирование геополитических представлений.

В-третьих, несмотря на уверения в обратном со стороны приверженцев критической геополитики, государство не отступает перед лицом глобализации, а реагирует самым жестким образом – что подтверждается беспрецедентной жестокостью, продемонстрированной в Югославии и Руанде. И на фоне действий государства как института, призванного защитить права человека, который в то же время спонсирует массовые убийства, гуманитарная интервенция в большинстве случаев остается проблематичной.

В-четвертых, критическая геополитика напрасно не включает в сферу своих интересов военную и стратегическую области. В качестве иллюстрации данного тезиса автор приводит бомбардировку Китайского посольства в Белграде войсками США, которая, согласно официальным заявлениям Вашингтона, была трагической ошибкой, поскольку при наведении использовались устаревшие карты города. И это при том, что ежегодно в США немалые средства тратятся на разработку и развитие систем спутникового слежения. И если критическая геополитика и выделяет проблему милитаризма и готова предложить альтернативу этой идеологии, она должна обратить внимание на геополитические рассуждения конкретных государств, в данном случае США.

Кроме того, в рамках критической геополитики проводится недостаточно этнографических исследований, в том числе и посвященных тому, как геополитические концепты проникают или формируются в сознании обывателей. Например, как складываются так называемые «воображаемые сообщества», т.е. как происходит идентификация определенного национального опыта и, как следствие, причисление себя к сообществу, члены которого

обладают этим признаком (например, по способу сушки посуды: датчане вытирают ее полотенцем, а шведы предпочитают естественное высыхание). Таким образом, по словам Линде-Лорсен, история «территориализируется», а территория – «историзуется»⁵. Помимо прочего, критическая геополитика должна отражать отношения между географическими представлениями официальных лиц (практиков государственного управления), представителей науки и интеллигенции и массовыми рассуждениями, а также результат их взаимодействия с массовой культурой.

По мнению Клауса Доддса, недостаточное внимание критическая геополитика уделяет пока и гендерному вопросу. Интересным могло бы быть изучение секретариата политических учреждений (по большей части состоящего из представительниц женского пола) не только на формирование политической программы государства как таковой, но и на формирование баланса сил внутри структур, а также на развитие политических интриг.

Англоязычная геополитика, очевидно, проявляет особую озабоченность вопросами этики и морали, в особенности такими, как права человека, этнические чистки и геноцид. В 1995 г. в боснийском городе Сребреница разворачивались кровавые события: сербские солдаты напали на мусульман, более 8000 человек было убито. Однако за жесткой критикой провальной политики безопасности ООН в Боснии, высказанной приверженцами критической геополитики, не последовало конкретных решений миротворческих вопросов или альтернативных стратегий по предотвращению массовых зачисток и резни. Доддс предлагает уделить большее

5 Linde-Laursen A. Small differences – large issues: The making and remaking of a national border // South Atlantic quarterly. 1995. Vol. 94. P.1123.

внимание конкретным персоналиям миротворческих сил – официальным лицам, которые принимают решения о необходимости вторжения, обстрела или доставки гуманитарного груза непосредственно на местах. Степень общей вовлеченности критической геополитики в военную сферу должна существенно возрасти, равно как и тщательность исследований, посвященных влиянию географических представлений на организацию шпионажа, выбор цели, операции на местности и гуманитарную интервенцию.

Недавнее распространение демократии и возникновение демократических государств в Латинской Америке, Восточной Европе и Азии вызвали новый этап размышлений на тему демократии и космополитизма внутри критической геополитики. Доддс с сожалением констатирует существование опасности превращения демократии в оружие в руках мощных государств (что уже прослеживается на примере Великобритании и ее бывших колоний и США). Однако остается вопрос, как нам удастся организовать политическую жизнь таким образом, чтобы не прибегать к территориальному концепту сообщества (и демократии), который будет недостаточно универсален для применения в вопросах миграции, диаспоры и гибридных культур.

Еще одна область, которая вызывает интерес – это осознание опасности, вызванной сначала успехом научно-технического прогресса, а затем его неизменным и избыточным присутствием в нашей жизни. Ульрих Бек полагает, что угроза окружающей среде представляет собой первостепенную проблему для общества риска⁶. И одним из самых актуальных станет вопрос, каким образом общество риска сможет препятствовать угрозам и защитить

6 Beck U. Risk society. L.: Sage, 1992. 260 p.

уязвимые места? Смогут ли структуры власти, ассоциируемые с глобальным капитализмом, признать собственную несостоятельность перед лицом конкретных кризисов или будут и далее увеличивать риски? Следует принимать во внимание и урон окружающей среде, причиняемый поддерживающим современные капиталистические структуры потреблением.

Новым этапом в развитии критической геополитики стала работа Фила Кейли «Критика критической геополитики»⁷. Работа посвящена сравнительному анализу традиционной и критической геополитики, проводимому по разным критериям. Будучи приверженцем традиционной геополитики, автор отмечает состоятельность обоих подходов и утверждает, что именно комплексное их рассмотрение дает возможность полнее представить геополитику в контексте как географии, так и исследований международных отношений.

Для проведения сравнительного анализа необходим новый уровень оценки, который бы позволил объективно сопоставить две тенденции в рамках геополитики, не примыкая ни к одному из существующих лагерей. Такой уровень Кейли называет *критикой критической геополитики*. Традиционному подходу он противопоставляет одно из двух течений, существующих внутри критического подхода – *деконструктивистское* (оно предполагает исследование текстов и дискурса в контексте международной политики и традиционных геополитических утверждений и теорий), представленное ключевыми работами О'Тоала⁸. Сравнение проводится до девяти критериям:

7 Phil K. A critique of critical geopolitics // Geopolitics. 2006. Vol. 11. № 1 (spring). Pp. 24-53.

8 Tuathail G. O', Dalby S., Routledge P. The geopolitics reader / ed. by O'Tuathail G. L.; N.Y.: Routledge, 1998; Tuathail G. O', Dalby S., Routledge

1. Уровни анализа – иерархическая система причин и процессов в контексте международных отношений (от индивидуального уровня до национального и международного). Обычно внимание уделяется лишь одному из них. Критическая геополитика сосредотачивается на социальном уровне или уровне принятия решений. В классической внимание уделяется объективным причинам и процессам, возникающим из глобальных или региональных структур, исследуется международный уровень.

2. Конфликт модернистов и постмодернистов – постмодернисты отрицают существование объективной истины, поддерживая идею субъективного мира и тем самым эпистемологически и онтологически отдаляются от классического подхода. Постмодернисты также отвергают структуралистские и позитивистские подходы, поскольку, по их мнению, в основе всех процессов лежат знание и власть. Постмодернистские взгляды не чужды критической геополитике. По мнению О'Тоала, на создание нового политического окружения повлияли многие процессы, в том числе – глобализация корпораций и рынков, слияние информационных и коммуникативных технологий, детерриториализация национальных правительств и исчезновение государства в прежнем его понимании – процесс глокализации (слияние понятий 'global' и 'local')⁹. Классической геополитике присущ «позитивизм», она исходит из предположения, что методология естественных наук применима к наукам социальным и позволяет получать некие

P. Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society // Journal of Strategic Studies. 1999. № 22 (2/3). Pp. 107-124.

9 Tuathail G. O' The postmodern geopolitical condition: States, statecraft and security at the millennium // Annals of the association of american geographers. 2000. Vol. 90. № 1. Pp. 166–178.

объективные результаты; что все люди, включая государственных лидеров, при выборе поведения действуют из соображений «ожидаемой пользы» или вознаграждения.

Минусом критического подхода является необходимость постоянно перестраивать и «подгонять» концепты под изменяющийся объект исследования, что приводит к отсутствию точности, характерной для классических теорий. Однако последние основаны на ложной посылке о неизменности социального и политического устройства. Автор убежден в необходимости учитывать оба подхода для продуктивного решения геополитических задач.

3. Цель «проблематизации» классической геополитики.

Критический подход не принимает классическую теорию «как есть» и настаивает на открытости политической географии для методологических и концептуальных инноваций. Он предполагает поиск альтернатив нынешнему состоянию мира – в т.ч. решения проблем общества риска и проблем загрязнения окружающей среды. Классический подход не рассматривает геополитику как орудие управления государством: по словам О'Тоала, он крайне абстрактен и рассматривает геополитические процессы с высоты Олимпа¹⁰. Способность к наблюдению несомненно является сильной стороной классического подхода, однако он не уделяет должного внимания анализу социального значения наблюдаемых процессов.

4. Онтологическая перспектива. В понимании модернистов, объективная реальность наблюдаема извне. Для постмодернистов она не существует нигде. По мнению критического гео-

10 Tuathail G. O', Dalby S. Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics // Rethinking geopolitics. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 6.

политика Лесли Хеппла¹¹, «геополитические тексты не являются объективными, они основаны на власти/знании и служат интересам определенных групп, помогая узаконить намеченные перспективы и интерпретации». Поскольку объективной реальности как бы не существует, традиционные теории, основанные на повергшихся субъективизации фактах и обобщениях, не имеют смысла. В классической геополитике «внешний» мир существует, и политика государств определяется географическим положением в не меньшей степени, чем другими объективными и субъективными непространственными факторами.

5. Эпистемологическая перспектива. Позиции двух направлений относительно возможности объективного научного объяснения политики также существенно различаются. Для критической геополитики наблюдения отдельных лиц, включая государственных деятелей, не могут быть объективными, поскольку объект наблюдений и наблюдающий неразделимы. По мнению О'Тоала, «западная геополитика до сих пор описывает воображаемый мир с имперской позиции»¹². В классической геополитике отношения между географическим положением и международной политикой могут быть установлены с помощью научных теорий, основанных на наблюдениях, интуиции и статистических исследованиях. Объект наблюдения и наблюдающий разделимы.

11 Hepple L., Barnes T., Duncan S. Metaphor, Geopolitical Discourse and the Military in South America // *Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representations of Language*. L.; N. Y. : Routledge. 1992. P. 139.

12 Tuathail G. O' A strategic sign: The geopolitical significance of Bosnia in US foreign policy // *Environment and planning D: Society and space*. 1997. Vol. 7. P. 42; См. также Tuathail G. O' "Cartesian perspectivalism" description of the classical in this regard: *Critical geopolitics: The politics of writing global space*. Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1996. P. 23–24.

Классический подход не нацелен на эмансипацию, он является инструментом в руках государственного деятеля, принимая в расчет, в первую очередь, географическое положение, а не социальные, политические и другие расчеты властной верхушки.

6. Господство власти. Для критической геополитики география есть наука о власти, и изучение геополитики означает наделение пространственными характеристиками господствующих геополитических сил и государств. В классической геополитике сила государства и его развитие зависят от географических факторов, таких как континентальное либо морское положение, расположение в центре или на периферии, запасы полезных ископаемых на территории страны. Сила господствующих государств обусловлена более выгодным положением и географическими преимуществами. Функция геополитики здесь консультативная – советовать представителям власти, как грамотно использовать преимущества географического положения.

7. Предмет исследования. Как можно описать суть геополитики, что является наиболее значимым для ее применения? Приверженцы критического подхода утверждают, что геополитика представляет собой дискурс, касающийся отношений между властью/знанием и социальными/политическими отношениями. Они настаивают на интерпретативном понимании мировой политики, следовательно, их основная задача сводится к толкованию явлений внутри контекста теорий мировой политики, а не усвоение некорректно сформулированных допущений и представлений традиционного подхода. Классическая геополитика изучает историю и географию, особенно их связи с дипломатией и стратегией для создания теории влияния географических факторов на создание международной по-

литики, которая является полезным теоретическим и практическим средством для понимания определенных сфер международных отношений и для выработки международных политических мер.

8. Вневременной аспект геополитики (насколько динамично понятие геополитики, базируется ли оно на «вневременных» ценностях – пространстве и географическом положении, или на «хронополитике» – высоких скоростях и киберпространстве). Критическая геополитика считает традиционную политику устаревшей. Мир поделился на «дикие» и «робкие» государства и сталкивается с угрозами, исходящими от «общества риска» – отрицательными последствиями индустриализации, глобализацией финансов, обособлением более бедных регионов и информатизации (возрастающих скорости передачи и количества информации). Большинство консервативных приверженцев классического подхода отстаивают постоянство географических факторов, оказывающих влияние на международную политику, и апеллируют к географическому положению как существенно важному ориентиру для любого политического деятеля.

9. Необходимость свободы. Критическая геополитика считает, что традиционная политика евроцентрична и придерживается определенных бинарных и иерархических характеристик, например, дихотомии «мы–они», которая приводит к возникновению государств-изгоев, экологическим угрозам, стабильности в центрах и обратной ситуации на периферии. Однако Кейли замечает, что критический подход не предоставляет ни ясной картины возможных улучшений, ни путей решения все более усложняющейся ситуации¹³. В классической геополитике проблема борьбы

13 Kelly P. A Critique of Critical Geopolitics // Geopolitics. 2006. №. 1. Pp. 24–53.

за свободу, как и проблема господства власти, остаются за пределами интересов традиционалистов, которые воспринимают уже существующие явления как факт, вне зависимости от их природы (демократической или недемократической). Классический подход не ставит своей целью переустройство международной системы.

По мнению Кейли, у обоих подходов есть свои достоинства и недостатки. Он соглашается, что основными минусами традиционного направления является отсутствие четко сформулированных целей и четко обозначенной сферы интересов, опора на рациональность, игнорирование актуальных процессов, проблем и технологий. В то же время он считает, что обвинения классического подхода в склонности к чрезмерным упрощениям беспочвенны, ибо упрощение – один из необходимых приемов обработки информации. Кейли полагает, что приверженцы критической геополитики незаслуженно недооценивают достижения традиционного подхода, что способствует углублению конфликта двух направлений (хотя для развития науки необходимо как раз обратное). В то же время сама критическая геополитика чересчур сосредоточена на дискурсе, уделяя недостаточно внимания процессу принятия решений.

С развитием критического направления появился миф о том, что география как наука является империалистическим явлением, которое не может идти в ногу с развивающимся миром, новыми технологиями и своевременно реагировать на возникающие процессы детерриториализации и глокализации государств. Как резонно замечает Кейли, сторонники традиционной геополитики, в свою очередь, могли бы упрекнуть своих оппонентов в том, что они – на стороне радикалов.

Подводя итоги, Кейли говорит о неизменной пользе критического подхода, выполняющего информативную функцию по отношению к традиционному, утверждая, что оба подхода могут прекрасно дополнять друг друга. Он не теряет надежды, что в перспективе два противоборствующих направления смогут прийти к консенсусу, тем самым, сделав огромный вклад в развитие геополитики. Если эти надежды оправдаются, можно будет говорить о переходе западной геополитики к новой фазе своего развития – посткритической, в которой традиционный предмет геополитики (география международных отношений) уже рассматривается с учетом критики детерминистских представлений, получившей развитие в критической геополитике. Важным методологическим новшеством посткритической геополитики становится отказ от построения универсальных концепций геополитического обустройства мира и переход к глубинному анализу пространственных факторов, определяющих развитие политических процессов.

Библиография

1. Beck U. Risk society. L.: Sage, 1992. 260 p.
2. Dodds K. Political geography III: Critical geopolitics after 10 years // Progress in human geography. 2001. Vol. 25. № 3. Pp. 469–484.
3. Hepple L., Barnes T., Duncan S. Metaphor, Geopolitical Discourse and the Military in South America // Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representations of Language. L.; N.Y.: Routledge. 1992. P. 139.

4. Kelly P. A Critique of Critical Geopolitics // Geopolitics. 2006. №. 1. Pp. 24–53.
5. Linde-Laursen A. Small differences – large issues: The making and remaking of a national border // South Atlantic quarterly. 1995. Vol. 94. Pp. 1123-1144.
6. Phil K. A critique of critical geopolitics // Geopolitics. 2006. Vol. 11. № 1 (spring). Pp. 24-53.
7. Todorova M. Imagining the Balkans. N.Y.: OUP, 1997. 257 p.
8. Tuathail G. O', Agnew J. 1992: Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. 1992. Vol. 11. Pp. 190–204.
9. Tuathail G. O' A strategic sign: The geopolitical significance of Bosnia in US foreign policy // Environment and planning D: Society and space. 1997. Vol. 7. P. 42.
10. Tuathail G. O' "Cartesian perspectivalism" description of the classical in this regard: Critical geopolitics: The politics of writing global space. Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1996. P. 23-24.
11. Tuathail G. O', Dalby S. Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics // Rethinking geopolitics. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 6.
12. Tuathail G. O' The postmodern geopolitical condition: States, statecraft and security at the millennium // Annals of the association of american geographers. 2000. Vol. 90. № 1. Pp. 166-178.
13. Tuathail G. O' Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society // Journal of strategic studies. 1999. Vol. 22. № 2/3. Pp. 107-124.

14. Tuathail G. O', Dalby S., Routledge P. The geopolitics reader / ed. by O' G. Tuathail L.; N.Y.: Routledge, 1998.
15. Tuathail G. O', Dalby S., Routledge P. Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society // Journal of Strategic Studies. 1999. № 22 (2/3). Pp. 107-124.

Концепции критической геополитики Дж. О’Тоала: на пути к осмыслению геополитики XXI века

Фигура Джерарда О’Тоала весьма примечательна и серьезно выделяется в ряду исследователей геополитики. Интерес представляет основательный и весьма разносторонний вклад родившегося на близ границы двух Ирландий ученого в теорию геополитики и анализ конкретных геополитических кейсов. Между тем, в России его работы и взгляды на геополитику, хотя и не являются совершенно неизвестными для научного сообщества, до сих пор получали значительно меньше внимания, чем, возможно, заслуживают того. Как следствие, одной из целей настоящей статьи представляется ре-актуализация творчества Дж. О’Тоала, что, в свою очередь, может способствовать выявлению точек продуктивного соприкосновения между его концептуальным видением и теми вопросами, которые ставит перед собой отечественная геополитическая традиция.

Основные вехи образования и научной карьеры О’Тоала связаны с североамериканской академической средой. Если бакалавриат он заканчивал в 1982 г. в Колледже Святого Патрика, Ирландия (1982 г.), то получение степени PhD в 1989 году происходит уже в США. В научном бэкграунде О’Тоала порядка полудюжины университетов Соединенных Штатов, из которых в числе наиболее примечательных следует назвать Университет Миннесоты, а

также Виргинский Технологический, научной работой в котором он занимается сейчас. Среди его учителей, а позднее и коллег, присутствуют такие выдающиеся политические географы и теоретики геополитики, как Джон Эгню¹⁴ и Тимоти Люк¹⁵ – в значительной степени от их теоретических и концептуальных разработок стартуют самостоятельные изыскания О’Тоала.

Его собственный период активный период научного творчества начинается в 1990-х гг. Именно с этого времени оформляются основные исследовательские направления О’Тоала. В самом общем виде их можно представить как историю геополитики (history of geopolitics), изучение современной традиции геополитики (contemporary geopolitical tradition), критическую теорию геополитики (critical geopolitics theory) и исследование конкретных геополитических кейсов (contemporary geopolitical affairs)¹⁶. Изящным интеллектуальным парадоксом, впрочем, вполне ожидаемым от исследователя пост-современных феноменов трансформации геополитической реальности, представляется тот факт, что обозначенные направления имеют не только тематическое, но и собственное темпоральное измерение. Интерес ко всем четырем направлениям изучения геополитики О’Тоал начал проявлять уже в первой половине 1990-х гг.¹⁷ и сохранял впоследствии. Однако

14 John A. Agnew // Department of Geography at UCLA, available at:http://www.geog.ucla.edu/people?lid=856&display_one=1&modify=1

15 Curriculum Vitae TIMOTHY W. LUKE // Center for Digital Discourse and Culture, available at: <http://www.cddc.vt.edu/tim/cv.pdf>; Tim Luke’s Online Papers // Center for Digital Discourse and Culture, available at: <http://www.cddc.vt.edu/tim/papers.html>

16 Critical Geopolitics, available at: <http://toal.org/critgeo/>

17 Tuathail G.Ó The Language and Nature of the “New” Geopolitics: The Case of US – El Salvador Relations // Political Geography Quarterly. 1986. № 5. Pp. 73-85; Tuathail G.Ó At the End of Geopolitics? Reflections

если в фокусе внимания «раннего» О’Тоала находились такие вопросы, как история геополитических представлений и практик, современные геополитические вызовы и пока еще туманное и очень неопределенное, но уже отчетливо приближающееся будущее, то «поздний» О’Тоал отдает очевидный приоритет тому, что можно назвать изучению непосредственных геополитических практик и «полевых кейсов»¹⁸.

Безусловной чертой исследований О’Тоала на всех этапах его научного творчества является критический подход, проявляющийся как особая интенция, направленная на деконструкцию существующих представлений о геополитике – которые, в конечном итоге, оказываются либо глубоко увязанными с реальными пространственными и геополитическими практиками и потому служат их оправданию и легитимации, либо красивыми, эстетически совершенными, но оторванными от реальности интеллектуальными построениями, ради эlegantности схемы игнорирующими одни факты и искажающими другие. В этом ключе выдержаны работы, посвященные истории геополитики: концепцию «Хартленда» Х.

on a Pluralizing Problematic at the Century’s End // *Alternatives: Social Transformation and Humane Governance* 22. 1997. № 1, Pp. 35-55.;

Tuathail G.Ó Problematizing Geopolitics: Survey, Statecraft and Strategy // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1994. № 19. Pp. 259-272;

Tuathail G.Ó, Luke T. Present at (Dis)Integration: Deterritorialization and Reterritorialization in the New Wor(l)d Order / Co-authored with Dr. Timothy W. Luke // *Annals of the Association of American Geographers*. 1994. №84. Pp. 381-398;

Tuathail G.Ó Foreign Policy and the Hyperreal: The Reagan Administration and the Scripting of “South Africa” // *In Written Worlds: Text, Metaphor and Rhetoric in the Representation of Landscape*. Routledge. 1992.

- 18 Tuathail G.Ó Contradictions of a “Two-State Solution” // *Arab World Geographer* 8. 2005. № 3. Pp. 168-171.; Toal G., Dahlman C. *Bosnia Remade: Ethnic Cleansing and Its Reversal*. New York and Oxford: Oxford University Press, 2011.

МакКиндера¹⁹ О’Тоал рассматривает как интеллектуальную реакцию аристократической британской военной и политической элиты на принципиально новые вызовы начала XX века, связанные с индустриализацией и модернизацией²⁰, а вклад Р. Штраус-Хупа в изучение американской геополитики – через призму его влияния на внешнеполитический курс США в 1940-1980-е гг.²¹ Аналогично, в современных международных и геополитических процессах О’Тоал вслед за Дж. Эгню и С. Корбриджем²² склонен разделять политические практики (как носящие очевидно гегемонистский характер) и выступающий апологетическим по отношению к ним дискурс²³, а также показывать те исторические, социальные и геополитические условия, в которых конкуренция держав и сверхдержав давала жизнь совершенно конкретным оправдывающим ее идеологиям, концепциям и парадигмам²⁴. Однако, в отличие от авторов, которые могли бы поставить точку после развенчания и ниспровержения авторитетов, О’Тоал всячески стремится дистанцироваться от образа интеллектуального «разрушителя» и

19 Mackinder, H.J. *The Geographical Pivot of History // Democratic Ideals and Reality*, Washington, DC: National Defence University Press, 1996. Pp. 175-194.

20 Tuathail G.Ó *Putting Mackinder in his Place: Material Transformations and Myth // Political Geography*. 1992. № 11. Pp. 100-118.

21 Crampton A., Tuathail G.Ó *Intellectuals, Institutions and Ideology: The Case of Robert Strausz-Hupé and American Geopolitics // Political Geography*. 1996. № 15. Pp. 553-556.

22 Agnew J., Corbridge S. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. 1995.

23 Tuathail G.Ó *The Language and Nature of the “New” Geopolitics: The Case of US – El Salvador Relations // Political Geography Quarterly*. 1986. № 5 Pp. 73-85

24 Tuathail G.Ó *Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond // Rethinking Geopolitics*. Routledge. 1998. Pp. 16-38.

«ниспровергателя». Показывая связанность и в какой-то степени даже взаимную обусловленность пространственных практик и геополитического дискурса, он указывает на невозможность их разрыва, отделения друг от друга, а следовательно, и на необходимость для исследователя учитывать социальный контекст любой идеи, равно как и идейный и интеллектуальный контекст любого политического действия. Целью здесь является не упрощение нашего понимания (деконструкция ради деконструкции, по мысли О'Тоала, это тоже поверхностная и навязчивая схема, отрицающая ценности и смыслы и притом «дающая слишком мало взамен»²⁵), а его расширение, достигаемое за счет признания относительности объяснительных схем и необходимости трансцендирования над ними.

Важным для О'Тоала является и направление критической геополитики, которое можно было бы назвать пост-современной, или постмодернистской геополитикой²⁶. Она примечательна тем, что ставит в фокус внимания не только необходимость деконструкции существующих подходов и взглядов, что было бы очевидно бессмысленно без предложение того «нового», которое бы пришло на смену отброшенному «старому», но и актуальную потребность в концептуализации тех макросоциальных изменений, которые навязываются технико-технологическим прогрессом и развитием новых форм коммуникации и связи. Очень показатель-но, что одна из ключевых работ на эту тему – «Постмодернистская геополитика?» в сборнике «Rethinking geopolitics»²⁷ – вышла

25 Там же.

26 Там же.

27 Tuathail G.Ó Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond // Rethinking Geopolitics. Routledge, 1998.

в свет еще в 1998 году, когда развитие компьютеров, мобильных электронных устройств, социальных сетей, программного обеспечения и инфраструктуры сетевой коммуникации находилось в состоянии, которое с позиций 2013 года может оцениваться как очевидно «неразвитое». Что, однако, не мешало О’Тоалу рассуждать о том, как телеметрическая визуализация начинает заменять собой картографическую, как телеметрическая и «мягкая» власть начинают доминировать над территориальной и «жесткой», как возрастает (и не просто возрастает, а начинает влиять на социальную и политическую жизнь) роль сетевого принципа организации и создаваемых им специфических конструкторов, как на смену территориальным угрозам с известным врагом и понятными маршрутами приходят угрозы внетерриториальные, а политика из «перспективистского театра» с четко определяемыми завязкой, развитием действия, кульминацией и финалом превращается в «крутящийся глобус CNN» – непрерывный процесс рождения новостей, повесток и все новых и новых ярких заголовков. Тогда очень многие из тех процессов и тенденций, о которых писал О’Тоал, казались похожими если не на научную фантастику, то на футурологию. В 2008-2009 гг., когда статья О’Тоала была переведена и опубликована на русском языке²⁸, описываемые им вещи за 10 лет до этого стали куда более осязаемыми. Тем, несомненно, более примечательным становится 2013 год, для которого – с бэкграундом в виде «арабской весны», политического протеста декабря 2011-го, Джулиана Ассанжа и Эдварда Сноудена – все эти «новые» тенденции становятся уже не прорывающимся в со-

28 О’Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. 2009. № 1. С. 188-223.

временность будущим, а частью воспринимаемой однозначным «настоящим» повседневности. Что, конечно, совсем не отменяет того факта, что списание со счетов реальной географии и реальной политики все еще является преждевременным: даже если география все больше располагает к тому чтобы рассматриваться «как коннективность, а не как пространство»²⁹, сам факт этого еще не упраздняет онтологию политической воли и тем более не ставит точку на политическом действии как смысловом и волевым акте. Вовлеченность в потоки информации и встроенность в коммуникационные узлы, несомненно, дает новые инструменты для политического влияния, но все еще не дает возможности абстрагирования от реальности мира вне сети.

Интерес представляет и такое направление исследований О'Тоала, как анализ практических кейсов и реальных ситуаций. Несмотря на высокую степень теоретизирования, предполагаемую самой спецификой его исследований, О'Тоал так и не стал чисто кабинетным ученым. Именно поэтому его внимание в 1990-е гг. привлекала ситуация в Боснии и Герцоговине (в конце концов, где исследовать природу пространства и его границ, как не там, где они возникают и исчезают?), а с 2000-х гг. – еще и на Кавказе, в Чечне и Южной Осетии³⁰. Оба региона он посещал не только как ученый, но и как консультант, и тем примечательнее, что именно в рамках него О'Тоал предпринял очень серьезные

29 Там же, с. 206.

30 Tuathail G.Ó Localizing geopolitics: Disaggregating violence and return in conflict regions // *Political Geography*. 2010. № 29. Pp. 256–265; Toal G., Dahlman C. *Bosnia Remade: Ethnic Cleansing and Its Reversal*. New York and Oxford: Oxford University Press, 2011; Тоал Дж., Колосов В. Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура // *Вестник общественного мнения*. 2009. № 2 (100).

шаги, направленные на «сближение» высокой теории критической геополитики с политической реальностью и практикой.

Примечательно, что интерес к О'Тоалу в России проявился достаточно поздно, а в фокус пристального внимания отечественных исследователей вышел и вовсе буквально в последние годы. Хотя отдельные исследования, посвященные концепциям критической геополитики, появились уже в середине 2000-х гг., в результате чего были защищены даже несколько диссертаций³¹, важной вехой стал 2009 год. Именно в это время в российских журналах был опубликован перевод «Postmodern geopolitics?»³² и целый ряд научных статей О'Тоала и об О'Тоале³³. В 2010-е гг. внимание к творчеству О'Тоала не уменьшилось: были опубликованы новые статьи³⁴, на русском языке вышли интервью с самим О'Тоалом³⁵. Однако число авторов, обращающихся в своих исследованиях к концепциям критической геополитики, пока что

31 См., например, Шубина Ю.Г. Геополитическая культура как фактор современного политического развития российского общества. Дис. ... кандидата политических наук. Ставрополь, 2006; Окунев И.Ю. Моделирование пространственных факторов развития микрогосударств и территорий Океании. Дис. ... кандидата политических наук. Москва, 2011.

32 О'Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. 2009. № 1. С. 188-223.

33 Тоал Дж., Колосов В. Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура // Вестник общественного мнения. 2009. № 2 (100); Окунев И.Ю. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики // Политическая наука. 2009. № 4. С. 126-137; Ляховенко О.И. Дж. О'Тоал: Критическая геополитика и ее критики // Политическая наука. 2009. №1. С.178-187.

34 Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 152-158.

35 Джерард Тоал: «Стандарты за статус» реалистичнее «территориальной целостности» // Caucasus Times. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=20292>

остается невелико, а потому творческое осмысление, переосмысление и, возможно, интеллектуальное преодоление работ О'Тоала будет оставаться важным направлением исследований и для отечественных геополитических школ.

Библиография

1. Джерард Тоал: «Стандарты за статус» реалистичнее «территориальной целостности» // *Caucasus Times*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=20292>
2. Ляховенко О.И. Дж. О'Тоал: Критическая геополитика и ее критики // *Политическая наука*. 2009. №1. С.178-187.
3. Окунев И.Ю. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики // *Политическая наука*. № 4. 2009. С.126-137.
4. Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // *Культурная и гуманитарная география*. 2012. Т. 1. № 2. С. 152-158.
5. Окунев И.Ю. Моделирование пространственных факторов развития микросоударств и территорий Океании. Дис. ... кандидата политических наук. М., 2011.
6. О'Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // *Политическая наука*. 2009. № 1. С. 188-223.
7. Тоал Дж., Колосов В. Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура // *Вестник общественного мнения*. 2009. № 2 (100).

8. Шубина Ю.Г. Геополитическая культура как фактор современного политического развития российского общества. Дис. ... кандидата политических наук. Ставрополь, 2006.
9. Agnew J., Corbridge S. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. 1995.
10. Center for Digital Discourse and Culture, available at: <http://www.cddc.vt.edu/>
11. Crampton A., Tuathail G.Ó *Intellectuals, Institutions and Ideology: The Case of Robert Strausz-Hupé and American Geopolitics // Political Geography*. 1996. № 15. Pp. 553-556.
12. *Critical Geopolitics*, available at: <http://toal.org/critgeo/>
13. John A. Agnew // Department of Geography at UCLA, available at: http://www.geog.ucla.edu/people?lid=856&display_one=1&modify=1
14. Mackinder H.J. *The Geographical Pivot of History // Democratic Ideals and Reality*. Washington, DC: National Defence University Press, 1996. Pp.175-194.
15. Toal G., Dahlman C. *Bosnia Remade: Ethnic Cleansing and Its Reversal*. New York and Oxford: Oxford University Press, 2011.
16. Tuathail G.Ó *At the End of Geopolitics? Reflections on a Pluralizing Problematic at the Century's End // Alternatives: Social Transformation and Humane Governance* 22. 1997. № 1. Pp.35-55.
17. Tuathail G.Ó *Contradictions of a "Two-State Solution" // Arab World Geographer* 8. 2005. № 3. Pp. 168-171.
18. Tuathail G.Ó *Foreign Policy and the Hyperreal: The Reagan Administration and the Scripting of "South Africa" // In Written*

Worlds: Text, Metaphor and Rhetoric in the Representation of Landscape. Routledge. 1992.

19. Tuathail G.Ó Localizing geopolitics: Disaggregating violence and return in conflict regions // *Political Geography*. 2010. №29. Pp. 256–265.
20. Tuathail G.Ó Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond // *Rethinking Geopolitics*. Routledge. 1998. Pp. 16-38.
21. Tuathail G.Ó Problematizing Geopolitics: Survey, Statecraft and Strategy // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1994. № 19. Pp. 259-272.
22. Tuathail G.Ó Putting Mackinder in his Place: Material Transformations and Myth // *Political Geography*. 1992. № 11. Pp. 100-118.
23. Tuathail G.Ó The Language and Nature of the “New” Geopolitics: The Case of US – El Salvador Relations // *Political Geography Quarterly*. 1986. № 5. Pp. 73-85.
24. Tuathail G.Ó, Luke T. Present at (Dis)Integration: Deterritorialization and Reterritorialization in the New Wor(l)d Order / Co-authored with Dr. Timothy W. Luke // *Annals of the Association of American Geographers*. 1994. № 84. Pp. 381-398.

Геополитика и постструктурализм: возможности интеграции

Совсем недавно о «пост-гидденсианстве» в Великобритании писали³⁶ как об одном из наиболее современных направлений развития современной социологической теории. К сожалению, в России широкая распространённость современных британских постструктуралистских теорий весьма ограничена, разве что, одним Э. Гидденсом. Сегодня геополитика ушла от устаревших социологических теорий вроде натуралистического редукционизма, но тенденция к применению социологических теорий в геополитике есть.³⁷ Помимо многих рассмотренных нами в предыдущих публикациях направлений можно указать на функционализм Р. Коллинза³⁸ и исследовать постструктурализм. Нам интересно, как можно применять современный британский постструктурализм для исследования геополитической проблематики.

Постструктурализмом называется направление в современной теоретической мысли, образовавшееся после первого струк-

36 Актуальные проблемы теории социологии // Социс (Социологические исследования). 2005. № 9. С. 3-9.

37 См. Кучинов А. М., Окунев И. Ю. Перспективы обновления и интеграции методов в современной геополитике // МЕТОД: Московский Ежегодник Трудов Общественных Дисциплин. – М.: ИНИОН РАН, 2013. № 4. (в печати).

38 См. Розов Н. С. Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и контекст российской политики // Полис (Политические исследования). 2012. № 6. С. 126-141.

турализма в кон. XX в. Современные британские теории часто исследуют общество по методологии structure-agency. Мир рассматривается как структура (правила и ресурсы), которая изменяется деятельностью людей. Основы такого подхода заложены у Э. Гидденса³⁹, однако есть и другие теории. Э. Гидденса критикуют многие современные учёные, такие, как **М. С. Арчер, Э. Кинг, Н. Мозелис** и др.

Бхаскар Р. Р. – один из авторов реалистской теории науки и современного реалистского подхода.⁴⁰ Реализм в противоположность номинализму постулирует о том, что тот или иной объект реализма (в современной британской теории – структура) реально «существует», а не аналитически «называется». Реализм позволяет рассматривать любые общественные, в т. ч. геополитические структуры, как уже существующие, **их нельзя создавать, можно только трансформировать**. Теории Р. Р. Бхаскара более оказываются философским основанием для исследований, однако понять многие другие более прагматически необходимые для геополитики теории без него невозможно.

Локвуд Д. считается основателем подхода, в котором разделяется системная и социальная интеграции.⁴¹ Следует разграничивать отношения между людьми и социальными образованиями.

39 Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер.: И.Тюрина. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2005. 528 с.

40 Бхаскар Р. Общества / Пер. с англ. А. Д. Ковалёва; Сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова // Социо-логос: Пер. с англ., нем., франц. М.: Прогрес, 1991. С. 219-290; Bhaskar R. The possibility of naturalism: A philosophical critique of contemporary human sciences: Third edition. L.; N.Y.: Routledge, 1998. 215 p.; Bhaskar R. A realist theory of science. L.; NY.: Routledge, 2008. 277 p.

41 Lockwood D. Social Integration and System Integration // Social Change: Explorations, Diagnoses, and Conjectures / Ed. by. G. K. Zollchan, W.

В геополитике, например – между геополитическим воображением жителей государства и официальными дискурсами, идеологиями. Новые результаты можно будет получить из исследования их взаимодействия.

Арчер М. С. – создатель теории морфогенеза⁴², где объединены подход structure-agency Э. Гидденса, реализм Р. Р. Бхаскара, системная и социальная интеграция Д. Локвуда и мн. др. учения. Эта теория является интегрирующим микро – и макроуровень, качественные и количественные методы учением о том, как происходят социальные изменения. В теории есть то, что мы назвали бы «человеческим измерением политики». Именно эта теория, по нашему мнению более подходит для геополитических исследований.

По теории морфогенеза можно исследовать происходящие изменения в геополитических воображениях, трансформацию любых институтов, в т. ч. влияющих на пространственное устройство политики. Теория исследует институциональные изменения посредством исследования взаимодействия системных и несистемных элементов, в ходе любого взаимодействия возникают ка-

Hirsch; With an Introduction by Don Martindale. N.Y.: John Wiley & Sons, 1976. Pp. 370-383.

- 42 Арчер М. С. Реализм и морфогенез / Пер. с англ. О. А. Оберемко // Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ. Вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 157-195; Archer M. S. Being human: the problem of agency. Cambridge: Cambridge University press, 2000. 323 p.; Archer M. S. Culture and agency: the place of culture in social theory. Cambridge: Cambridge university press, 2004. 351 p.; Archer M. S. Realist social theory: the morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge university press, 1995. 354 p.; Archer M. S. Structure, agency and the internal conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 370 p.

чественно новые, несводимые к сумме исходных составляющих «эмержентные» свойства структуры.

Зарубежная гуманитарная география (human geography) применяет теории structure-agency в своих исследованиях с 1980-х гг.⁴³ В современной зарубежной науке постструктурализм не ограничен философскими постановками вопросов о деятелях и структуре, теория структуризации – вполне эмпирическая, по ней идут прикладные исследования, в которых есть и исследования пространства. В основном, исследования базируются на положении о дуальности структуры.⁴⁴

В заключение необходимо сделать акцент на том, что связи постструктурализма не могут ограничиваться лишь применением описанной Э. Гидденсом в «Устроении общества» «временной географии» Т. Хагерстранда, которая является теорией, схожей с теорией структуризации, но с пространственным измерением. Мы показали возможности более широкой интеграции геополитики с пост-структурализмом и надеемся на скорое применение разных подходов в российских эмпирических исследованиях.

Библиография

1. Актуальные проблемы теории социологии // Социс (Социологические исследования). 2005. № 9. С. 3-9.

43 См.: Chouinard V. Structure and agency: contested concepts in human geography // The Canadian Geographer (Le Geographe canadien). Hoboken, New Jersey: Willey, 1997. Vol. 41. Is. 4. Pp. 363-377.

44 См.: Phipps A. G. Empirical applications of structuration theory // Geografiska Annaler. Hoboken, New Jersey: Willey, 2001. Vol. 83. Is. 4. Pp. 189–204.

2. Арчер М. С. Реализм и морфогенез / Пер. с англ. О. А. Оберемко // Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ. Вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 157-195.
3. Бхаскар Р. Общества / Пер. с англ. А. Д. Ковалёва; Сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова // Социо-логос: Пер. с англ., нем., франц. М.: Прогрес, 1991. С. 219-290.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер.: И.Тюрина. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2005. 528 с.
5. Кучинов А. М., Окунев И. Ю. Перспективы обновления и интеграции методов в современной геополитике // МЕТОД: Московский Ежегодник Трудов Общественных Дисциплин. М.: ИНИОН РАН, 2013. № 4. (в печати).
6. Розов Н. С. Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и контекст российской политики // Полис (Политические исследования). 2012. № 6. С. 126-141.
7. Archer M. S. Being human: the problem of agency. Cambridge: Cambridge University press, 2000. 323 p.
8. Archer M. S. Culture and agency: the place of culture in social theory. Cambridge: Cambridge university press, 2004. 351 p.
9. Archer M. S. Realist social theory: the morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge university press, 1995. 354 p.
10. Archer M. S. Structure, agency and the internal conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 370 p.
11. Bhaskar R. The possibility of naturalism: A philosophical critique of contemporary human sciences: Third edition. L.; N.Y.: Routledge, 1998. 215 p.

12. Bhaskar R. A realist theory of science. L.; NY.: Routledge, 2008. 277 p.
13. Chouinard V. Structure and agency: contested concepts in human geography // *The Canadian Geographer (Le Geographe canadien)*. Hoboken, New Jersey: Willey, 1997. Vol. 41. Is. 4. Pp. 363-377.
14. Lockwood D. Social Integration and System Integration // *Social Change: Explorations, Diagnoses, and Conjectures* / Ed. by. G. K. Zollchan, W. Hirsch; With an Introduction by Don Martindale. N.Y.: John Wiley & Sons, 1976. Pp. 370-383.
15. Phipps A. G. Empirical applications of structuration theory // *Geografiska Annaler*. Hoboken, New Jersey: Willey, 2001. Vol. 83. Is. 4. Pp. 189–204.

Пространственный аспект биополитической концепции М. Фуко.

В последние годы интерес к понятию биополитики возрос как в западных гуманитарных и социальных науках, так и в отечественных. Само понятие биополитики становится предметом оживленной дискуссии, поскольку не существует конвенционально установленного определения или подхода к данному явлению. Впервые понятие биополитики появилось, по мнению ряда исследователей⁴⁵, в работах Рудольфа Челлена⁴⁶. В семидесятые годы двадцатого столетия Мишель Фуко изменил представление о биополитике как об органицистском термине и утвердил свое видение данной концепции, которое вскоре стало доминирующим⁴⁷. Мишель Фуко утверждал, что биополитика – «совокупность процессов, включающих в себя пропорцию рождений и смертей, уровень воспроизводства, рост населения⁴⁸». Именно Мишель Фуко заложил новое содержание в концепцию биополитики, которое позволило уйти от ограниченности социобиологизма. Концепция Фуко активно перерабатывалась,

45 Lemke T. *Biopolitics: An Advanced Introduction*. N.Y.: NYU Press. 2011. 158 p.

46 Юхан Рудольф Чёллен (швед. Johan Rudolf Kjellén; 1864–1922) – шведский социолог и политолог.

47 Dr. Laurette T. Liesen Lewis University, Romeoville, IL Dr. Mary Walsh Elmhurst College, Elmhurst, IL The Competing Meanings of “Biopolitics” in Political Science: Biological and Post-modern Approaches to Politics. To be presented at the American Political Science Association’s Annual Meeting, Seattle, WA, September 1, 2011.

48 Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 уч.г. СПб.: Наука, 2005. С. 257.

критиковалась, уточнялась и дорабатывалась в рамках континентальной философской парадигмы. В Соединённых Штатах Америки позиция Фуко заняла достойное место, когда в 2004 на ежегодном собрании Американской ассоциации политических наук в Чикаго. Политические теоретики, следовавшие постмодернистскому взгляду на политическую науку, утвердили, что «биополитика» будет пониматься в контексте фукольдидантской традиции⁴⁹. Можно говорить о том, что фукольдидантский взгляд на «биополитику» стал доминировать в западной политической науке.

Тем не менее «биополитика» является, не только теоретически проблематизируемым понятием, но и актуально обсуждаемой, в текущей политической повестке проблеме. Уже Мишель Фуко говорил о современных либеральных обществах, как об обществах, функционирующих в рамках биополитических диспозитивах. Его критику существующих обществ поддержали ведущие европейские интеллектуалы Антонио Негри, Майкл Хардт и Джорджио Агамбен. В России данная проблематика приобрела актуальность в связи с «Законом Димы Яковлева». Данный закон всколыхнул общественную дискуссию о рамках проникновения тех или иных структур в частное, приватное пространство^{50 51}. Новые вызовы,

49 Цит. по Dr. Laurette T. Liesen Lewis University, Romeoville, IL Dr. Mary Walsh Elmhurst College, Elmhurst, IL The Competing Meanings of “Biopolitics” in Political Science: Biological and Post-modern Approaches to Politics. To be presented at the American Political Science Association’s Annual Meeting, Seattle, WA, September 1, 2011.

50 Десятова Е. Все мы – жертвы биополитики // Росбалт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/generation/2013/05/25/1132858.html>

51 Ямпольский М. Биополитика в городе Глупове (О последних инициативах Думы). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archives.colta.ru/docs/12083>

которые стоят перед политической наукой, создаются проникновением государства и иных институциональных образований в сферу контроля над телом. Биометрический паспорт, надсмотр и контроль над телесностью создаваемый в современных западных обществах поставил ребром проблему «биополитики».

Но при этом, наблюдается относительно малое количество работ посвященных рассмотрению пространственного аспекта в рамках биополитической концепции Мишеля Фуко. Биополитические техники властвования заменили дисциплинарные и были, по мнению Мишеля Фуко, ориентированы на контроль над человеком, как над биологическим видом.

Биополитика зарождается как дополнение к дисциплинарной власти на рубеже XVIII и XIX как совокупность практик, используемых для контроля над рождаемостью и смертностью, контролем над людьми. В противовес дисциплинарным практикам, воспринимающим совокупность индивидуализированных соматических единиц, биополитика воспринимает их как население – множество объединённых общими характеристиками людьми.

В рамках курса «Безопасность, территория, население», он вводит понятие «безопасности» как методики управления населением. Биополитические техники при этом исполняют функцию защиты их здоровья и тел.

Представители англо-саксонской и немецкой социологии такие, как Энтони Гидденс и Ульрих Бек предлагали рассмотреть общества позднего модерна, как общества риска. Рискогенность стала доминирующей чертой современных политических процессов, а потому базовой ценностью, которую могут предложить национальные, транснациональные и мировые институты это безопасность.

Мишель Фуко солидаризируется с ними говоря, что существующее сейчас общество, это общество где безопасность является доминирующей характеристикой существующего общества. Общества, где доминируют техники безопасности, сочетают в себе дисциплину и биополитику. Для обозначения тех новых типов власти он вводит понятие Правительственность (*Gouvernementalité*⁵²) и определяет как: «совокупность институтов, процедур, анализов и рефлексий, расчетов и тактик, посредством которых реализуется весьма специфическая и чрезвычайно сложная разновидность власти, имеющая в качестве главной цели население, определяющего познавательного обеспечения – политическую экономию, а ключевого инструмента – устройства безопасности⁵³». Биополитика в эти условия выполняет функцию заботы о теле, она рассматривает, в противовес дисциплине, совокупность соматических единиц как объединение под общим знаменателем населения. Если дисциплина стремилась индивидуализировать человека, сконструировать ему жесткую матрицу идентичностей, то безопасность, посредством медицинского здравоохранения, биополитических техниках, проявивших себя в рамках либеральных и неолиберальных техниках способствует самостоятельному обнаружению и развитию индивида.

Основным инструментом биополитики является медицина, которая утверждает 1) гигиенические практики, 2) метод контроля над рождаемостью и смертностью. 3) Следующая группа феноменов, оказавшаяся в поле ведения биополитики, были фено-

52 В русском переводе Фуко М. Безопасность, территория, население переведено как управленчество.

53 Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб., М.: Наука, 2011. С. 162

мены, связанные с недееспособностью. В частности впервые, в XIX веке поднимается проблема старости. Также это могут быть увечья, травмы, переломы все то, что ограничивает способность человека к полезной деятельности. 4) Наконец последняя группа феноменов, это феномены, связанные с проблемой окружающей среды «на протяжении всей первой половины XIX века стояли проблемы болот, эпидемий, связанных с существованием болот. А также возникала проблема среды, но не естественной среды, а искусственной, которая оказывала дурное влияние на население, среды, им самим созданной⁵⁴» .

Для суверенной власти пространство оказывалось территорией, на которой расположены властные институты «суверен, все равно: индивидуальный он или коллективный, – это тот, кто удачно размещен в пределах некой территории, а территория, которая хороша в качестве объекта властного воздействия со стороны суверена, – это та, что не имеет изъянов в плане своей пространственной композиции⁵⁵». Дисциплинарная власть стремилась создать искусственное пространство, контролируемое, просматриваемое, созданное для надзора и дисциплины «нужно было разделять пространство и одновременно оставлять его открытым, обеспечивать присмотр, который одновременно был бы и общим, и индивидуальным, полностью и тщательно обособлявшим наблюдаемых индивидов⁵⁶». Идея пространства Фуко

54 Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 уч.г. СПб.: Наука, 2005. С. 258.

55 Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб., М.: Наука, 2011. С. 31.

56 Фуко М. Око власти / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 221.

состоит в том, что локализации выступают следствием действия механизмов власти⁵⁷

Биополитика уже не стремится создать идеальное, но недостижимое «архитектураризированное» пространство. Для реализации биополитических техник уже нет нужды строить на расчищенном месте. Отсутствует там необходимость и в использовании «функционально значимой символической формы⁵⁸». Вместо этого там есть нужда в нейтрализации природной угрозы, такой как болезнетворные миазмы. Проблема гигиены, необходимой для защиты здоровья. Во вторых там есть нужда в экономическом планировании, поскольку ключевая проблема биополитических техник, это проблема производства «*Homo economicus*». Поскольку искусство управлять человеком «осуществляется через деятельность рынка и общества⁵⁹». Вначале пространство выражение сократовой силы суверена, чем его больше, тем блистательнее сила короля. Потом наступает период рационализации, индивидов выводят из подчинения природных сил и помещают в нейтрализованный паноптикум. Под конец пространство это место извлечения ресурсов и распространение экономической мощи. Пространство теряет свое символическое значение, уплотняется и теряет свою самодостаточность. Для суверена значимы 2 фактора:

57 Лукашина Ю.И. Социология пространства и практико-теоретические модели современного государства // XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, 2013.

58 Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб., М.: Наука, 2011. С. 35.

59 Лаццарато М. Биополитика // Биоэкономика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://multitudes.samizdat.net/IMG/pdf/Revue_des_revues-LAZZARATO-trad-russe.pdf

количество подданных и протяженность границы. Дисциплинарному обществу требуется возможность надзора и скорость изоляции неконтролируемых областей, а вот биополитика стремится защитить население, что бы оно приносило прибыли и было здорово. Пространство обретает, свою, новую вспомогательную функцию, функцию экономического благоприятствования, которая оказывается политическим фактором контроля и надзора.

Биополитика порожаемая либеральными практиками используется для осуществления «политической власти принципами рыночной экономики⁶⁰». Само пространство также становится место распространения подобных практик. Пространство из мест символического присутствия властных институтов, выраженных в величественных объектах, становится местом осуществления биополитической техники безопасности. Оно должно максимально благоприятствовать экономическому росту и максимально благоприятствовать здоровью тела индивида. Само тело также становится пространством осуществления биополитических техник, отныне оно механизм для создания прибыли.

Фуко описывает эту новую парадигму отношения к пространству, заложенную в конце XVIII начале XIX века на примере проекта города инженера Виньи. А «город должен был соответствовать макрокосму, который в свою очередь – ибо государство само воспринималось как сооружение – выступал неким гарантом городского устройства⁶¹». Таким образом, можно говорить о том,

60 Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году СПб. : Наука, 2010. С. 171.

61 Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб., М.: Наука, 2011. С. 32

что в биополитической концепции Мишеля Фуко пространство теряет свою прежнюю функцию – свидетельства мощи и силы и обретает новую – благоприятствование человеку. Пространство, отныне, не место расположения объектов обладающих большим символическим капиталом и не нейтрализованная территория дисциплинарного надзора. Пространство это место расположения угроз и выгод.

Библиография

1. Lemke T. Biopolitics: An Advanced Introduction. N.Y.: NYU Press. 2011. 158 p.
2. Десятова Е. Все мы – жертвы биополитики // Росбалт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/generation/2013/05/25/1132858.html>
3. Лаццарато М. Биополитика // Биоэкономика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://multitudes.samizdat.net/IMG/pdf/Revue_des_revues-LAZZARATO-trad-russe.pdf
4. Лукашина Ю.И. Социология пространства и практико-теоретические модели современного государства // XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, 2013
5. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб., М.: Наука, 2011. 544 с.
6. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 уч.г. СПб.: Наука, 2005. 312 с.

7. Фуко М. Око власти / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002 384 с.
8. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году СПб. : Наука, 2010. 448 с.
9. Ямпольский М. Биополитика в городе Глупове (О последних инициативах Думы). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archives.colta.ru/docs/12083>

II. Пространственная идентичность в российских регионах (по результатам экспедиции клуба в Санкт-Петербург и Ленинградскую область)

Окунев И.Ю.

Роль интерпретации пространства в формировании идентичности (на примере российско-европейского пограничья)

В октябре 2013 г. наша исследовательская группа провела экспедицию в три города российско-европейского пограничья: Санкт-Петербург, Выборг и Кронштадт. В ходе исследования мы пытались ответить на вопрос, как приграничное положение влияет на идентичность людей, проживающих в данных городах. При этом мы исходили из аксиомы, что идентичность в той или иной мере способно влиять на политические процессы в данных городах. В частности, мы предполагаем, что разная идентичность (например, европейская, российская, финская, ингерманландская) определяет разницу в политической культуре и идеологических предпочтениях избирателей, что не может не отражаться на политическом процессе.

Тем не менее, вопрос, как разные идентичности формируют разные политические практики, остался за скобками нашего ис-

следования. Нам было важно показать, как пространство влияет на формирование таких идентичностей. Следуя традиционной логике геополитики, особое пространство должно было сформировать особый тип пространственной идентичности, который различался бы лишь своей интенсивностью в зависимости от интенсивности пространственного признака. Скажем, в пограничном пространстве российско-финской границы должен был сформироваться более европейский (или смешанный) тип пространственной идентичности. В таком случае, степень пространственной идентичности Выборга, Кронштадта и Санкт-Петербурга отличался бы лишь степенью влияния пограничного признака на их идентичность.

В ходе экспедиции мы решили проверить данный тезис. Нашей исходной гипотезой, почерпнутой из критической геополитики, было предположение, что само по себе пространство не рождает конкретную идентичность. Между собственно пространством и идентичностью в причинно-следственной цепочке находится дополнительно звено – интерпретация пространства. Любое пространство дает широкие возможности для интерпретаций, в том числе, противоположных. Если наша гипотеза верна, в схожем (пограничном, в нашем случае) пространстве должны были родиться разные интерпретации такого пространства, которые должны были привести к разным идентичностям.

Для подтверждения нашей гипотезы мы выбрали города расположенные в схожем пограничном пространстве (недалеко от российско-финской границы) – Санкт-Петербург, Выборг и Кронштадт. Мы решили использовать комплекс исследовательских методов:

- 1) блиц-опрос на улице
- 2) глубинные интервью с представителями фокусной группы (работники музеев, информационных туристических офисов, продавцы сувенирной продукции)
- 3) дискурс-анализ письменных источников (туристические путеводители, книги по краеведению, туристические сайты)
- 4) сбор, систематизация и интерпретация символов города
- 5) статистический анализ географических элементов в названиях улиц и предприятиях города.

Подробные отчеты о применении различных методов полученных результатах Вы найдете в работах членов группы.

Общим итогом исследования можно считать подтвердившуюся гипотезу о важности интерпретации пространства в процессах формирования идентичности.

В ходе исследования было выявлено два типа признаков, подвергающихся интерпретации.

Первый тип включает признаки, которые интерпретировались по-разному в разных городах:

1) *пограничность* может интерпретироваться через барьерную функцию границы, ведущую к охранительной и традиционной идентичности города-крепости, стоящего на охране рубежей страны (Кронштадт) или через контактную функцию границы, ведущую к смешанной, поликультурной идентичности города-моста, связывающего территории по обе линии границы (Выборг, Санкт-Петербург).

2) *периферийность* может интерпретироваться как отсталость от центра, усиливающее присутствие общенациональной идентичности (Кронштадт, Санкт-Петербург) или как возмож-

ность формирования собственных локальных историй, дополняющих общенациональную идентичность (Выборг).

Второй тип включает признаки, которые либо участвуют, либо нет в формировании идентичности:

1) *морское положение* (интерпретируется в Санкт-Петербурге и Кронштадте и нет в Выборге)

2) *близость к Европе* (интерпретируется в Санкт-Петербурге и Выборге и нет в Кронштадте)

3) *изоляция* (интерпретируется как исключительность, требующая от страны особого отношения к территории, только в Кронштадте).

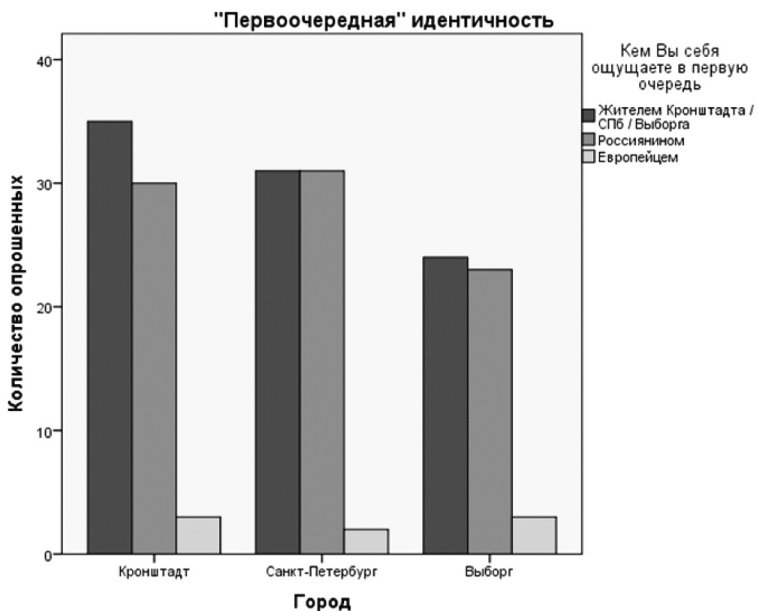
Таким образом, мы можем говорить об особом звене в цепочке формирования пространственной идентичности – интерпретации пространства (выражающемся в пространственных мифах, образах, воображении и представлениях). Данное звено оказывается ключевым, поскольку позволяет в одном и том же пространстве сформировать разные, вплоть до противоположных, идентичности. А это, в свою очередь, доказывает роль географических переменных в политических процессах не как детерминирующую, но лишь как обуславливающую, или, иными словами, задающую коридоры, вероятностные сценарии протекания таких процессов.

Европейская идентичность в приграничных регионах СЗФО (количественный анализ)

Исследовательские вопросы: можно ли считать СПб «нашей за границей»? Чувствуют ли себя выборжцы «на оккупированной территории»? Привязаны ли жители Кронштадта больше к своей местности, чем к России и Европе (что для них более важно)?

Описательная статистика

В первую очередь, европейцами во всех трёх городах себя ощущали 4,4% опрошенных (8 человек), россиянами – 46,2%, а локальная идентичность превалировала у 49,5% респондентов.

В этих городах были замечены значимые различия музыкальных предпочтений: в Санкт-Петербурге европейскую музыку слушали 47,3% опрошенных, в Кронштадте – 36,7%, а в Выборге – лишь 17% (значимость коэффициента Хи-квадрат .005). Значимо различалось и количество предпочитающих ездить в страны зарубежной Европы, но в этом случае последним оказался Кронштадт (31,3% против 50% в Выборге и 61,3% в Санкт-Петербурге, значимость .003). Видимо, это говорит об объективной географической изоляции Кронштадта. Но поскольку вопрос касался предпочтений, а не реальных возможностей заграничных поездок, весьма вероятно и наличие психологии «осаждённой крепости» (даже если бы была возможность, люди не хотели бы ехать за границу).

Анализ

Признаки, значимо связанные с упоминанием европейской идентичности или с расположением европейской идентичности на первом месте среди идентичностей респондента оказались несколько признаков, можно объединить в 3 группы.⁶²

А. Любимые практики (предпочтения продуктов питания, товаров длительного пользования, музыки и поездок).

Установлена связь между предпочтением европейских продуктов питания и упоминанием европейской идентичности: европейцами себя считают покупателей российских продуктов и покупателей европейских продуктов (при этом, значимость коэффициента Хи-квадрат .017).

62 Учитывая размер выборки, статистически незначимый коэффициент обычно означает на отсутствие зависимости, а необходимость провести больше наблюдений.

Ещё больше оснований говорить о связи этой практики с объявлением европейской идентичности своей главной идентичностью. Так, «европейцев» больше среди покупающих не российские, а европейские продукты питания (1,9% против 10,2%, при этом значимость ещё более надёжная: меньше .001).

Также замечена связь «первоочередной» европейской идентичности с предпочтением товаров длительного пользования (1,9% против 5,8%;) и музыкальными предпочтениями (2,9% и 9,1%). Но об этих зависимостях можно говорить с меньшей уверенностью (значимость хуже: по .077). Кроме того, люди могли не отличить европейские товары от товаров другого производства (просто импорта), а европейскую музыку – от американской (чаще всего такую ошибку, видимо, допускали люди с невысоким уровнем образования).

Была обнаружена интересная связь, которая может пролить свет на психологию «осаждённой крепости», которую мы ожидали найти только в Кронштадте. Оказалось, что среди любителей европейских продуктов питания, товаров длительного пользования и музыки во всех трёх городах увеличена доля не только людей с главной европейской идентичностью, но и с главной локальной идентичностью (63,3% против 39,8%, 54,8% против 40,4% и 52,7% против 43,8%). Возможно, чем больше практик связывает людей с зарубежной Европой, тем чаще они чувствуют себя обособленными от России, поэтому их главной идентичностью становится если не европейская, то локальная.

Продукты питания влияют и на упоминание евроидентичности (среди предпочитающих российские 61,3% европейцев, среди предпочитающих европейские – 87,5% при значимости 0,017).

Табл. 1. Сравнение доли людей с «первоочередной» европейской и локальной идентичностью в разных категориях

	Продукты питания		Товары длительного пользования		Музыка	
	Российские	Европ.	Российские	Европейские	Росс.	Евр.
Европейская идентичность	1,9%	10,2%	1,9%	5,8%	2,9%	9,1%
Локальная идентичность	39,8%	63,3%	40,4%	54,8%	43,8%	52,7%

Табл. 2. Корреляция «европейских» социальных практик (в скобках показан коэф. значимости p)

	Продукты питания	Товары длительного пользования	Музыка	Поездки
Товары длительного пользования	.51 (<.001)	1	.183 (.03)	.242 (.003)
Музыка	.243 (.004)	.183 (.03)	1	.163 (.042)
Поездки	Незначима	.242 (.003)	.163 (.042)	1

Возможно, предпочтение ездить в страны зарубежной Европы также связано с объявлением европейской идентичности первой в списке (среди людей с такими предпочтениями в два раза больше «европейцев», чем среди предпочитающих ездить по России: 6,1% против 3,2%). Однако о такой связи преждевременно говорить, анализируя такую маленькую выборку (видимо, именно из-за малого количества наблюдений значимость коэффициента Хи-квадрат составила .652).

Сами практики коррелируют между собой: если человек любит один вид «европейского», он с большой вероятностью любит и другой вид.

Однако попытки найти общий латентный фактор, который бы определял «европейский характер» этих практик оказался не очень успешным: этот фактор объясняет изменения измеряемых переменных только на 20,34% (объясняет 20,34% дисперсии этих переменных). Однако нагрузки наилучшего «кандидата» на роль этого латентного фактора, выделенные методом максимального правдоподобия (maximum likelihood) выглядят неплохими (другими словами, значения этого латентного фактора довольно тесно коррелируют с наблюдаемыми переменными):

- предпочтение ездить в страны зарубежной Европы: 0.463;
- предпочтение покупать европейские товары длительного пользования: 0.522;
- предпочтение слушать европейскую музыку: 0.351.

*Б. Когнитивная мобилизация*⁶³ (в нашем случае – уровень образования и частота обсуждения событий в зарубежной Европе).

Уровень образования связан с «первоочередной» евроидентичностью: количество людей, поставивших европейскую идентичность на первое место, растёт от 51,4% у людей с полным средним образованием до 72,4 у людей с высшим образованием (хотя, значимость 0,197). Простое упоминание европейской идентичности и уровень образования коррелируют с коэффициентом 0.174 (значимость немного переходит 5-процентный порог: $p=0.057$).

Европейская идентичность чаще упоминается теми, кто чаще обсуждает события в зарубежной Европе. Так, её упоминают 56,5% респондентов, никогда не обсуждающих эти события, 64,9% респондентов, иногда обсуждающих эти события, и 70%

63 Термин Рональда Инглхарта: Inglehart, R. Cognitive Mobilization and European Identity // Comparative Politics. 1970. № 3. Pp. 45–70.

часто обсуждающих. Однако значимость этих различий из-за размера выборки неудовлетворительна и составила .558.

В свою очередь, частота обсуждения событий в зарубежной Европе связана с наличием друзей или родственников в зарубежной Европе (коэффициент корреляции 0.112 при значимости 0.129, которая могла быть более приемлемой, если бы наблюдений было больше), а также с уровнем образования (коэффициент корреляции 0.156 при значимости 0.034).

В. Доверие власти.

Выявленные связи европейской идентичности с доверием федеральной власти наиболее неожиданно. Можно было ожидать, что на Европу обращён взор тех людей, которые не хотели бы жить при нынешней российской власти (наподобие русских эмигрантов в европейские страны 1990-х годов). Однако по результатам опроса

Среди недоверяющих власти больше людей, поставивших на первое место локальную и европейскую идентичность, чем среди доверяющих: соответственно, 41,8% и 50% людей с локальной и 1,8% против 6,2% людей с европейской идентичностью. Однако нельзя говорить о том, что зависимость между доверием и идентичностью точно присутствует, поскольку эта зависимость не вписывается в общепринятые рамки значимости (в данном случае значимость коэффициента Хи-квадрат равна .196).

В то же время, наличие связи между доверием и *упоминанием* европейской идентичности более вероятно (значимость .075). Чаще упоминали европейскую идентичность именно респонденты, доверяющие федеральной власти (75,8% против 58%). Между упоминанием европейской идентичности и доверием федеральной

власти наблюдается даже линейная корреляция с коэффициентом – 0.167 (значимость которого также в пределах 10%, допускаемых многими исследователями: $p=0.076$).

Заключение

Таким образом, с разной степенью уверенности можно говорить о том, что предпочтения социальных практик (покупок европейских продуктов питания и товаров длительного пользования, прослушивания европейской музыки, поездок в страны зарубежной Европы), степень когнитивной мобилизации (уровень образования и частота обсуждения событий в зарубежной Европе) и доверие федеральной власти, действительно, связаны с чувством европейской идентичности.

Библиография

1. Inglehart R. Cognitive Mobilization and European Identity // Comparative Politics. 1970. № 3. Pp. 45-70.

Географическое воображение и пространственные мифы в устных свидетельствах (на примере города Кронштадт)

Гипотеза: у жителей Кронштадта под влиянием исторического развития и объективной географической изолированности возникла «доминирующая черта оторванности от земли» или пространственное восприятие «осаждённой крепости», проявляющееся в особом понимании своей исторической миссии, ментальной изолированности и тд.

Метод исследования: исследование оформленных пространственных мифов в устных источниках путем проведения опросов и глубинных интервью с жителями исследуемого города (хранители музеев, экскурсоводы, старожилы).

PRO

Смыслы, которыми жители Кронштадта наделяют пространство, формировались в ходе исторического процесса и эволюционировали со временем, наслаиваясь друг на друга и приобретая всё новые формы. На современном этапе хорошо различимы признаки тех функций, которыми некогда было надделено это пространство.

Во-первых, один из наиболее старых мифов – это *пространственный миф «морской столицы»*. Морская тематика всячески подчеркивает инаковость восприятия пространства. Так, например, наиболее значимым залом в краеведческом музее города

является зал корабельной славы. Так же в этой связи нельзя не упомянуть хорошую историческую память жителей города, в особенности в отношении периода царской России, который по их признанию был временем военно-морской славы Кронштадта. В ходе опроса респонденты легко вспоминали «морскую базу Петра», Цусимское сражение и героический подвиг 2-ой Тихоокеанской эскадры, действия моряков в июле и октябре 1917, в 1921 гг., их значимое место в революции. Слова «сейчас почти не осталось ни военных, ни флота» произносятся с горечью.

Во-вторых, жители придают особое значение городу в послереволюционный период, с ностальгией вспоминая *времена советской «закрытости»* города, когда «шел постоянный обмен специалистами» (корабельные инженеры). «Спокойнее было, хотя и строже». В этом люди видели свою особую миссию, подчеркивая то обстоятельство, что «у многих родственники жили в Санкт-Петербурге, но в связи с режимными ограничениями встречаться могли редко». Более того, особый психологический подъем, патриотизм и воодушевление респонденты испытывают, рассказывая о «героизме Кронштадта» и его особой роли в Великой Отечественной войне и во время блокады Ленинграда.

В-третьих, на современном этапе особенно выделяется *обособленность и «непохожесть»*, что проявляется в темпе города. «Жизнь течет по-другому: размеренно, медленно». Респонденты признают, что этот город подходит для пенсионеров, в силу хорошей экологии, живописных пейзажей, большого количества парков и исторических мест. Непонимание вызывает поведение более молодого поколения, среди представителей которого есть те, кто предпочитают Кронштадту Северную столицу. Руководитель

дома культуры вспоминает, что в 90-е в стране и городе происходили крупные изменения, однако «в своем коллективе мы сохранили прежние традиции и стали своего рода «Ковчегом»».

Данный тезис косвенно иллюстрирует статистика и количественные измерения: именно в Кронштадте наибольшее число жителей проявляют локальную первичную идентичность (более половины опрошенных) и ментальную изолированность (дистанцирование от Европы проявляется в том, сто кронштадтцы предпочитают путешествовать по России или вообще не выезжать, даже в Санкт-Петербург).

CONTRA

С другой стороны, одновременно с вышеизложенным, имеет место быть *окраинное или пригородное восприятие* пространства. Такое пространственное позиционирование проявляется в частности в том, что жители больше не ощущают «закрытости», часто ездят «в город» (имея в виду Северную столицу). Молодому населению свойственно регулярно ездить на место работы, учебы или даже «в магазин» в Санкт-Петербург, а, следовательно, сложилось восприятие Кронштадта как «части Петербурга административно и не только». Кроме того для молодых людей характерна плохая историческая память, что нивелирует влияние исторических мифов и представлений. Дополнительный импульс придают «объединенные туристические маршруты», постепенное включение города в жизнь Санкт-Петербурга.

Во многом на это повлияло строительство дамбы и открытие прямого сообщения с «большой землей» в 2011 г. Любопытно, что дамба и Кронштадт (остров Котлин), так же как и прежде – город-база ВМФ. выполняют защитную функцию, препятствуя на

этот раз затоплению Санкт-Петербурга. Меняются формы, но неизменно воспроизводится сходное функциональное наполнение пространства.

Вывод: у жителей Кронштадта наблюдается диффузия двух пространственных восприятий: обособленного города-крепости, имеющего свой нрав и порядки, и пригорода крупного центра. В виду того, что постоянное сообщение с «материком» стало возможным относительно недавно, можно наблюдать в динамике влияние новых транспортных путей на то, какими мифами и свойствами наделяется пространство Кронштадта.

Особенности пространственной идентичности (на примере г. Выборг)

Выборг расположен на Западе Карельского перешейка в 27 км от Финляндии, на берегу Финского залива. Город лежит на полуострове, изрезанном глубокими бухтами, и на нескольких мелких островах. Является крупным экономическим, промышленным и культурным центром Ленинградской области, портом на Балтике, а также важным узлом шоссейных и железных дорог. История его возникновения во многом предопределила современное положение города. Город был основан шведами в средние века, с 1710 года являлся частью России вплоть до начала XX века, когда перешел в состав Финляндии. Однако в 1944 году город с другими территориями Карельского перешейка был передан из Карело-Финской ССР в состав Ленинградской области РСФСР. Учитывая особенности исторического развития (в частности, тот факт, что Выборг за свою более чем 700-летнюю историю неоднократно менял свою государственную принадлежность), а также географическое положение (приграничный город, а значит это место пересечения смыслов, идей, стремлений), мы можем выдвинуть следующую гипотезу: пространственное восприятие жителей Выборга будет сводиться к осознанию себя частью европейской территории, противопоставленной России.

Согласно гипотезе, исследуемые нами города (Выборг, Санкт-Петербург и Кронштадт), находясь примерно в одном тер-

риториальном районе, могут быть наполнены при этом разными смыслами (или мифами). Это позволяет нам сделать вывод о том, что пространственная «схожесть» не говорит об идентичности этих мифов, поскольку в рамках одного и того же пространства может существовать несколько вариантов его интерпретации. В качестве источников интерпретации выступают результаты устных опросов местного населения и глубинных интервью. Основываясь на собранном материале, представляется возможным составить более или менее целостные, уже сложившиеся пространственные стереотипы, закрепленные в массовом сознании, культуре. Любопытно, что мнения респондентов варьируются в независимости от уровня образования, возраста и т.п. итак, среди самых распространенных пространственных представлений можно выделить три:

1. Выборг – европейский (финский/шведский) город. Город-крепость. Действительно, архитектурно-планировочный облик города – по большей части схож со странами Скандинавии: в центре города, что свойственно многим европейским городам, расположена городская ратуша, центральная площадь; рядом с привокзальной площадью возвышается жилой комплекс, имеющий название «Малая Финляндия»; количество построек советской эпохи незначительно. Местные жители часто называют Выборг «городом-крепостью»: эту роль город сохранил еще со дня своего основания (1293 г.), что является причиной для особой гордости горожан. Однако в настоящее время Выборг уже не отстаивает оборонную функцию. Вероятно, произошло (или происходит) переосмысление городом своего положения из *пограничного в связующее*. В этой связи уместно вспомнить функ-

ции границ (по И.М. Бусыгиной: барьерные и контактные), которые в данном контексте в большей степени близки к контактными. Часть опрошенных убеждены в принадлежности города к шведской культуре, так как он «был основан шведами, и именно при них Выборг достиг своего наивысшего расцвета», поэтому ему свойственен «дух Запада», а чего-то истинно «русского» городу присуще крайне мало. Более того, следует учитывать то, что подавляющее большинство населения – переселенцы, велико число приезжих, что, в свою очередь, определяет недостаточную глубину исторической памяти и редуцированность пространственных мифов. Примечательно, что знание прежнего финского названия города «Viipurigi» продемонстрировали далеко не все респонденты, но при этом им свойственна европейская идентичность.

2. «Мультикультурный» город. Довольно частым встречалось упоминание о Выборге как о «многонациональном» городе, в котором ощущается одновременное существование разных культурных пластов. Город представляет собой некую точку, связывающую две не похожие друг на друга культуры. Как уже отмечалось, на его историю и архитектуру оказали в свое время шведская, немецкая, финская и русская культуры. Так, например, жители города имеют традицию отмечать как российские государственные праздники, так и финские; свадебные традиции также очень разнообразны. При этом респонденты не могли отнести себя к одной идентичности, ощущая себя частью нескольких культур, причем ни одна из них не является доминирующей.

3. Городу присуща «особая исключительность» в силу особой роли и места как в истории государства, так и на карте России. Понятие эксклюзивности и обособленности наполнено

позитивным смыслом и понимается жителями города как положительная черта, что во многом обусловлено отведением городу роли «русской заграницы», «единственного средневекового города России». Выделяя эти уникальные особенности города, респонденты нередко называют себя «русскими европейцами», подчеркивая свой особый статус.

Интересно отметить, что Выборг является городом-портом, однако восприятие себя жителями города-порта не наблюдается или проявляется крайне редко.

В заключение, следует сказать, что результаты глубинных интервью в целом подтвердили выводы количественного анализа, показав разброс мнений. Среди уникальных смыслов и образов, которыми наполняется пространство Выборга его жителями, можно выделить как минимум три, причем они успешно сосуществуют друг с другом. Иными словами, пространство Выборга уникально, в нем представлено несколько типов идентичности, хотя локальная идентичность превалирует. За прошедшие десятилетия произошла переинтерпритация пространства: оборонные функции города (или исключительно города-крепости) перешли в связующие, контактные, что, в свою очередь, выражается в том, что Выборг представляет собой некое пограничье культур, традиций и ценностей.

Особенности пространственной идентичности – Санкт-Петербург

Санкт-Петербург был основан в 1703 г. на прилегающем к устью реки Невы побережье Невской губы Финского залива. Занимая многочисленные острова Невской дельты, город является крупнейшим транспортным узлом северо-запада России. Пробыв столицей России более двухсот лет, этот «вечно столичный» город пережил множество триумфов и потрясений, что привело к формированию особой ментальности у жителей Петербурга, а она, в свою очередь, породила уникальную геополитическую идентичность горожан, а именно осознание петербуржцами себя жителями уникальной агломерации – «нашей заграницы». Изначально, городу, построенному в тренде открытия «окна в Европу», было предначертано иметь особую судьбу. Таким образом, представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу: *восприятие петербуржцами себя и своего города в пространстве и времени состоит в позиционировании себя в качестве обитателей особой европейской культурной столицы.*

В анализе пространственной идентичности петроградцев использовались блиц-опросы и глубинные интервью с горожанами, причём, как с обывателями, так и с экспертами-краеведами и культурологами. Можно выделить следующие ключевые пространственные представления, распространённые среди разных социальных слоёв и возрастов населения Санкт-Петербурга:

– Петербург – самобытная *культурная* столица России. В Северной Пальмире помимо высокой концентрации архитектурных памятников и различных носителей культурного наследия имперской столицы России, до сих пор высока доля интеллигенции среди населения города (не считая окраины агломерации Большого Петербурга). И опросы общественного мнения, проведённые во время экспедиции в Санкт-Петербурге позволяют судить о том, что жители довольны тем, что город утратил статус политической столицы, и категорически возражают против переноса столицы обратно в Санкт-Петербург, мотивируя это тем, что у Петра Великого были другие соображения для переноса столицы. Теперь же обстоятельства изменились, и перенос столицы принёс бы только неприятности. Горожане также полагают, что в нынешних реалиях Петербургу вполне достаточно его статуса культурной столицы, а перенос официальной столицы понизил бы средний уровень жизни и привлёк бы слишком много приезжих. Примечательно, что петербуржцы внимательно следят за процессами, происходящими в соседней Москве, и считают текущие миграционные тенденции, имеющие место в Москве и других крупных центрах России, недопустимыми.

– Петербург – *европейский* мегаполис, проводник общеевропейских ценностей и западного стиля жизни в российские массы. Несмотря на то, что Петербург не является самым молодым из российских городов-миллионеров, среди них он является, пожалуй, самым европейским и современным во всех отношениях. Ссылаясь на недавнее введение Центробанком специального символа **₽**, стоит отметить, что впервые коммерческие организации начали использовать это европеизированный знак в рекламе

именно в Петербурге, причём это приобрело массовый характер (по состоянию на октябрь 2013 г.) ещё до официального утверждения нового дизайна символа национальной валюты. Это, как и анализ системы мировоззрения петербуржцев и названий рекреационных заведений в городе, позволяет полагать, что, несмотря на советское прошлое, с приходом капиталистических отношений, активизацией панъевропейских транспортных потоков, бурным всплеском торговых отношений и культурного обмена между Россией и европейскими странами, влияние европейской цивилизации вновь стало преобладающим в Санкт-Петербурге.

– Петербург – *элитарный* город. Если посмотреть на бэкграунд номенклатурных работников высшего ранга и нынешних влиятельных федеральных чиновников, то становится очевидным, что Петербург – это не только город образованных масс, но и, прежде всего, *родина* элит (как политических, так и экономических, военных и научных). Быть может, именно поэтому ни один опрошенных не назвал себя питерцем, предпочитая этому и другим названиям (ленинградец/ленинградка, петроградец и др.) самое солидное и современное, отражающее нынешнее мироощущение горожан – а именно, этнохороним петербуржец/ петербурженка.

Принимая всё вышеперечисленное во внимание, хотелось бы добавить, что в Санкт-Петербурге наличествует большое число пространственных мифов разного масштаба, что указывает на несомненную глубину исторической памяти у горожан. Таким образом, в целом, итоги опросов общественного мнения были подтверждены также и анализом пространственных мифов Петербурга непосредственно в городских локациях, что только подтверждает верность каждого из пунктов нашей гипотезы.

Идентификация Кронштадта через пространственные аллюзии прошлого

Кронштадт в сущности представляет собой уникальное пространство, которое, находясь в географических координатах на водном разделе России и Европы, сохраняет в большей степени «внутреннее» направление – иными словами, устремленное на свою обособленность, – чем внешнее. Такое исторически сформированное пространственное восприятие влияет на устойчивость основ локальной идентичности у населения. Несмотря на потерю статуса закрытого города в 1996 году, черты изолированности и особенности до сих пор остаются присущи Кронштадту. Эти характеристики можно проследить на уровне письменных источников, которые хорошо демонстрируют маркеры данной «самобытности» города. Итак, попытаемся дать анализ тех письменных источников, которые были собраны нами во время проведения исследований в Кронштадте в октябре 2013 года.

Прежде всего, ключевым моментом в понимании Кронштадта является синкретизм культурных пластов, а именно царской России, Советской России и западного. Нужно сразу оговориться, что западный пласт является скрытым, и никакого воздействия на сознание жителей города не оказывается, потому что выражен он только на метауровне, и упоминается в предлагаемых туристических буклетах лишь отсылками на имена известных иностранцев, которые так или иначе внесли вклад в развитие этого города

(например, И.Ф. Браунштейн, построивший Итальянский дворец для А.Д. Меншикова). Более того, в Историческом архитектурно-художественном музее г. Кронштадта оказались материалы круглого стола на тему «Роль иностранных граждан в становлении и развитии города Кронштадта»⁶⁴, в которых дается исторический обзор иностранного влияния в «модернизации» города. В основном, эти материалы обращены к эпохе становления города, во время правления Петра I, а также зарождения и упрочения славы Балтийского флота России. Соответственно, и персоналии здесь фигурируют такие, которые непосредственно связаны с военно-морской сферой: К. Крюйс, Э. Лейн, И.Люберас, Т.Сандерс, И.Брандт, Т. Трйден и многие другие. Однако эта информация распространена лишь в узком кругу специалистов, занимающихся данной проблемой. На массовом уровне отсутствуют ассоциации города с чем-то западным, за исключением того, что «именами немцев названы кронштадтские военно-инженерные сооружения: «редут Ден», «батарея Граббе», «люнет Швебс»...»⁶⁵

Что касается двух остальных культурных элементов, то они находятся в тесной взаимосвязи, что само по себе по себе вступает в противоречие, так как советская и царская идентичности по направленности противоположны. Во-первых, явно присутствует стремление возобновить идентичность царской России посредством символов, популярных образов или иллюстраций прошлой

64 Роль иностранных граждан в становлении и развитии города Кронштадта: материалы круглого стола. Кронштадт: Исторический архитектурно-художественный музей г. Кронштадта.

65 Роль иностранных граждан в становлении и развитии города Кронштадта: материалы круглого стола. Кронштадт: Исторический архитектурно-художественный музей г. Кронштадта. С. 15.

эпохи. Так, главная газета города носит название «Кронштадтский муниципальный вестник»⁶⁶ с подчеркнутыми дореволюционным написанием, а основной научно-публицистический журнал называется «Цитадель». Вообще, морская тематика встречается часто и направлена на то, чтобы воспроизвести былое величие русского флота и, следовательно, связанную с ним исключительную важность Кронштадта как города-крепости для России. В туристско-информационном центре Кронштадта не встречается ни одного буклета, брошюры или карты города, где не было бы изображение либо Петра I, либо Николая II, а также атрибутика кораблей и суровые морские пейзажи. Рекламные объявления пестрят предложениями об экскурсионных прогулках на форту «Константин»⁶⁷. Опираясь на карту города ⁶⁸, мы можем видеть, что главная площадь Кронштадта названа Якорной, и из центральных объектов выделяются Морская библиотека, Морской собор, Адмиралтейство Петра Великого, Макаровский мост, Летний сад, Петровская пристань и другие. Если обратиться к районной газете «Кронштадтский», то можно заметить, что заголовки статей в большинстве своем также отсылают читателя к подчеркнуто морской и индивидуалистической черте Кронштадта. Например, в одном номере встречаются следующие названия статей: «Фортуна» собрала более 6 тысяч зрителей», «Морфест прошелся по Кронштадту», «Ковчег» нуждается в поддержке», «Александр Мариненко – подводник № 1», «Стре-

66 Кронштадтский муниципальный вестник: газета муниципального образования город Кронштадт. Крондштат: Сатори, 2013. № 12(69).

67 Форт Колнстантин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.forthotel.ru

68 Кронштадт: план центрально части города. Крондштат: Музей истории Кронштадта, 2011

лец» * просит о помощи»[* старейший корпус бывшего монитора «Стрелец», прим. автора]⁶⁹. Кроме того, часто в массовых СМИ обсуждается преемственность поколений, а значит, и передача вот этого самобытного духа молодежи, потому что « ...Кронштадту присуща подлинность, кронштадтцам – дружелюбность»⁷⁰.

Тем не менее, наряду с «царским элементом» остается и советский. В письменных источниках он выражен через изображения улицы Советской, на которой расположен комплекс Офицерских и служительских флигелей, фотографий памятника Морзаводцам и территории Морского завода, на котором, как сообщается в путеводителе по Кронштадту, в годы Великой Отечественной войны выполнялись многочисленные заказы для фронта. Кроме того, в общей информации о городе обязательно присутствуют упоминания о таких памятниках, как Линкору «Октябрьская революция», Борцам за дело революции, революционным морякам Балтики, – то есть сохраняется историческая связь с революционными событиями, в которых активное участие принимали моряки Кронштадтского флота.

Таким образом, мы наблюдаем наложение нескольких идентичностей в нечто единое и цельное. Но в таком случае резонен вопрос об определении пространственном восприятии жителей Кронштадта. На основании анализа письменной базы, распространенной в городе и обращенной к туристам, можно говорить об особом пространственном восприятии города своими жителями, а значит, и об абстрагировании как от России, так и от Европы. Попытки культивирования этой исключительности и «самости» Кронштад-

69 Кронштадтский: официальная газета Кронштадтского района. СПб.: КУРЬЕР-МЕДИА, 2013. № 1(49).

70 Кронштадтский Вестник: городская газета. Кронштадт, 2013. № 40 (24526). С. 2.

та как раз и выражаются в смешении нескольких идентификационных маркеров. Но проблема такого отстранения заключается в следующем: осознание свое самобытности с особым островным положением порождает неприятие чего-то инородного на уровне ментальности. Это может довольно существенно тормозить процесс превращения Кронштадта в открытый туристический и культурный центр, что было заявлено в программе местных властей. Возможно, необходимо относиться к Кронштадтской идентичности не как устоявшемуся факту, а как к инструменту формирования новых подходов к созданию привлекательного имиджа города, который составлял бы альтернативу как России, так и Европе.

Библиография

1. Роль иностранных граждан в становлении и развитии города Кронштадта: материалы круглого стола. Кронштадт: Исторический архитектурно-художественный музей г. Кронштадта.
2. Кронштадтский муниципальный вестник: газета муниципального образования городъ Кронштадт. Крондштат: Сатори, 2013. № 12(69).
3. Форт Колнстантин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.forthotel.ru
4. Кронштадт: план центральной части города. Крондштат: Музей истории Кронштадта, 2011
5. Кронштадтский: официальная газета Кронштадтского района. СПб.: КУРЬЕР-МЕДИА, 2013. № 1(49).
6. Кронштадтский Вѣстникъ: городская газета. Крондштат, 2013. № 40 (24526).

Особенности пространственной идентичности в г. Выборг (на основе анализа названий улиц и предприятий общепита)

Ввиду повсеместного роста региональной идентичности в современной России, а также поиска основ для консолидации российского общества изучение пространственной идентичности приграничных регионов становится особенно актуальным. При этом, методы изучения идентичности не исчерпываются анализом результатов социологических опросов. Напротив, для выявления глубинных параметров самоидентификации членов регионального сообщества необходимо анализировать косвенные источники данных, в которых идентичность проявляется неосознанно.

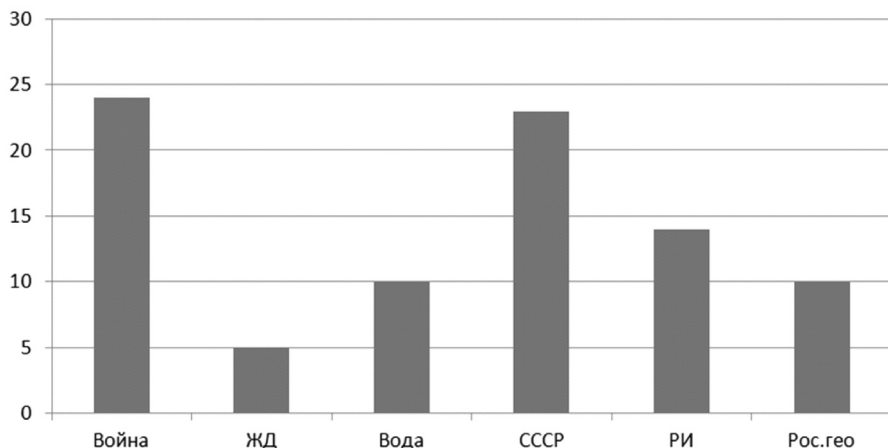
По нашему мнению, в российских условиях для этой задачи оптимально подходит анализ названий улиц, с одной стороны, и названий предприятий общественного питания, с другой. Действительно, название улицы – это тот естественный маркер, который присущ человеку с практически с рождения, названия улиц не могут не отразиться на его самоидентификации. В отличие от улиц, названия кафе и ресторанов отражают не только имеющуюся самоидентификацию, но и представления об идентичности желаемой, престижной. Таким образом, анализ обоих этих факторов позволяет сформировать комплексную картину пространственных идентичностей и их наложения.

В ходе анализа названий улиц Выборга были сделаны следующие выводы. Наибольшая доля названий (13 и 12,5% соответственно) связана с военной или советской тематикой. Что касается большого числа названий, связанных с войной, оно может объясняться не столько исторической традицией (действительно, подобных названий много во всех российских сторонах), сколько отражать богатую военную историю этого приграничного города, неоднократно менявшего государственную принадлежность. Примерно в полтора раза меньше названий, связанных с культурой и историей досоветской России. Значимые категории – это также названия, связанные с водой (вероятно, здесь сыграла роль близость Балтийского моря) и с другими топонимами России. Ряд названий объединяет железнодорожная тематика, что может также отражать важность города как транзитного пункта. Все финские названия улиц были изменены после присоединения Выборга к СССР. Так что названия улиц напоминают жителям об их принадлежности к России, а также отражают особенности пространственного положения города как приграничного, прибрежного и транзитного.

Таблица 1. Улицы Выборга

Категория	Число	Доля в %
Военная тематика	24	13
Советская тематика	23	12,5
Россия – до СССР (история, культура)	14	7,5
Водная тематика	10	5,5
Россия (география)	10	5,5
Железнодорожная тематика	5	3
ВСЕГО	184	100

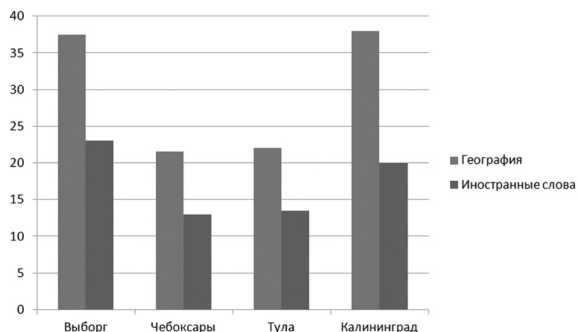
Категории улиц Выборга

Что касается названий кафе и ресторанов Выборга, можно отметить большое число названий с использованием иностранных слов или латиницы (их чуть меньше четверти) – то есть, жители Выборга готовы воспринимать иностранные названия, показывая большую глобализованность города. Кроме того, почти каждое четвёртое название имеет отсылку к какой-то географической зоне, что может отражать важность геостратегического положения региона (в этом Выборг схож с эксклавом Калининградом и значительно отличается от лежащих в глубине страны Тулы и Чебоксар). То есть, уже при первом приближении очевидна важность географического фактора в названиях предприятий общепита.

Таблица 2. Кафе и рестораны Выборга

Категория	Число	Доля в % от общего
Иностранные слова	16	23
Географические названия	26	37,5
Всего	69	100

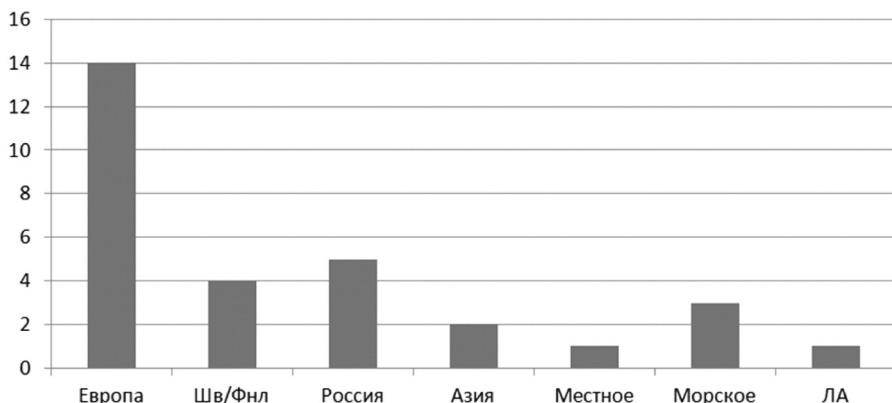

Весьма любопытные результаты даёт разбивка условно географических названий по региональным зонам. Подавляющее большинство (больше половины) названий связано с Европой – здесь, вероятно, влияет как ощущение принадлежности к Европе, так и осознание европейской идентичности как наиболее престижной. То есть, можно подтвердить предположение о том, что выборжцы чувствуют тесную связь с Европой и в значительной степени ощущают себя европейцами. Опять же, названий, связанных с Россией, в три раза меньше. Любопытно, что несколько названий, как и в случае с улицами, объединяет водная тематика. То есть и в этом сегменте очевидно отражение геостратегического положения города.

Таблица 3. Отсылки к географическим названиям

Категория	Число	Доля в % от гео.назв.
Европа	14	54
<i>В том числе Швеция/Финляндия</i>	4	15
Россия	5	19
Азия	2	7,5
Местное	1	3,5
Морское	3	11,5
Латинская Америка	1	3,5
Всего географических	26	100

География названий кафе и ресторанов Выборга

Итак, можно заключить, что и в названиях улиц, и в названиях предприятий общепита в большой степени отражены особенности геостратегического положения Выборга. При этом, названия улиц, утверждённые государством, напоминают выборжцам, в первую очередь, о военном прошлом города и его принадлежности России, а в названия кафе и ресторанов в большинстве случаев есть отсылка к Европе, что может указывать на восприятие жителями города европейской идентичности как наиболее предпочтительной.

Особенности пространственной идентичности в г. Кронштадт (на основе анализа названий улиц и предприятий общепита)

Пространственная идентичность является важным элементом самосознания как отдельной личности, так и населенных пунктов в целом. Она формирует представление человека о самом себе, а, следовательно, определяет перспективы не только лично-го, но и, в некоторой степени, политического, а также экономического развития всей исследуемой территории. Зная, каким образом идентифицируют себя жители той или иной территориальной единицы, можно предположить, какой выбор в той или иной сфере они будут совершать, какие товары будут пользоваться у них особой популярностью, а возможно, и какую политическую партию они будут поддерживать на выборах.

В данном исследовании в качестве метода исследования пространственной идентичности будет использоваться анализ неформальных источников, а именно анализ названий улиц, кафе, ресторанов, закусочных и т.д. Подобное исследование поможет выявить несознательную самоидентификацию населенного пункта.

Объектом исследования является г. Кронштадт.

Предметом исследования – названия улиц и предприятий общественного питания.

Как показал анализ, военная специализация Кронштадта отражена в названиях улиц – 26 процентов названий связаны с воен-

ной и военно-морской тематикой. Кроме того, более половины всех названий имеют отношение к Советскому Союзу, а часть из них напрямую связаны с революциями, что говорит о том, что именно в этот период в городе больше всего ощущалась причастность к процессам, происходящим в масштабах всего государства.

Что касается названий мест общественного питания, то можно отметить, что они представляют более современную идентичность, поскольку многие из них открылись только за последнее десятилетие.

Вывески практически половины из них (47%) отсылают нас к российской тематике, но уже более четверти заведений носят европейские названия, что косвенно свидетельствует о постепенной де-изоляции и сближении с Европейской культурой. 9 процентов названий отсылают нас к Азии и Закавказью, однако учитывая, что в количественном выражении эта цифра весьма незначительна, можно утверждать, что в этом случае речь скорее идет о растущей популярности на китайскую и кавказскую еду, а не о самоидентификации.

Кроме того, число названий заведений, написанных латиницей (или с использованием как латинского алфавита, и кириллицы) не превышает 16 процентов, что может свидетельствовать о том, что уровень глобализованности города достаточно невелик.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать вывод, что не смотря на то, что сейчас г. Кронштадт уже является открытым, ему еще не удалось изменить самовосприятия в качестве отдельно существующей территориальной единицы, отличной от других и огражденной от контактов с внешним миром.

III. Геополитические пространства и представления

Ренард-Коктыш А.В.

Геополитическое и идеологическое пространства евразийского нацистроительства

Начнём с того, что методологические основания геополитики весьма спорны, если они вообще есть. Их не было с самого начала: как известно, ни отец геополитики немец Фридрих Ратцель, ни его последователи – швед Рудольф Челлен, американец Альфред Мэхен, британец Халфорд Маккиндер и, наконец, немец Карл Хаусхофер – никаких ее методологических обоснований не создавали. Ратцель ограничился механистичным переносом метафоры дарвинизма в пространство мировой политики, и его ученики не представили доказательств справедливости и обоснованности такого переноса, сконцентрировавшись на легитимации либо сложившегося на тот либо иной момент политического статус-кво, либо экспансионистских амбиций держав, к которым вышеперечисленные авторы принадлежали. То есть, как известно, наиболее серьёзный упрёк критической геополитике по отношению к родоначальникам этого направления политической мысли, как известно, состоит в том, что достаточного убедительного объяснительного или прогностичного потенциала не было сгенерировано.

Тот момент, что геополитика оказалась инструментом сферы пропаганды куда быстрее и эффективнее, чем инструментом научным, вполне возможно, объясняется спецификой *рефлексии ее конструкции*. То есть к сентенциям авторов за пределами критического направления геополитики может быть предъявлена та же претензия, которую Пьер Бурдьё предъявлял к марксизму: отождествление потенции с экзистенцией, то есть возможности быть или стать кем-то с тем, чтобы этим в действительности являться.

В частности, когда в геополитике речь идет о государстве – и нациестроительстве, то между конфигурацией пространственного потенциала с одной стороны и реализацией вытекающих отсюда политико-экономических возможностей с другой стороны необходим промежуточный этап. Географически детерминированные имплицитные свойства государства, в терминологии Стейна Роккана, должны быть отрефлексированы его населением, чтобы в результате обрести успешное воплощение в легитимной национальной стратегии. Другими словами, для исследования формирования наций с общей идентичностью предлагается рассматривать:

1) геополитическое пространство, включающее территориальные ресурсы государства и интересы правящих элит относительно их перераспределения;

2) информационно-идеологическое пространство, к которому относятся установки населения (восприятие жителями ресурсного потенциала государства, надындивидуальные ценности жителей и их взгляды относительно места и стратегии своей страны в мире) с одной стороны и направленная на их корректировку пропагандистская политика государства с другой.

То есть схематично процесс формирования внешнеполитического процесса представляется так. На первом этапе – *назовем его геополитическим* – существует сумма объективных эконом-географических критериев, в числе которых, например, размер территории, количество соседей, морфология границ, ресурсная база, которые задают круг возможных при данном потенциале структур и стратегий. По поводу перераспределения этих ресурсов непременно возникает структура интересов в среде властных элит. На втором этапе – *информационно-идеологическом* – происходит легитимация власть предержащими выбранного вектора политики или, иначе говоря, формирование территориальной идентичности через продвижение национальной идеологии. Полноценная государственная идея имеет 3 уровня, регламентируя процедуры поведения, надындивидуальные ценности и мировоззрение граждан, направленные на благо государства и нации. Только в этом случае власти будут впоследствии иметь поддержку населения в непосредственном осуществлении этой стратегии.

В российском случае можно констатировать, во-первых, что обладание огромной территорией, наибольшим в мире количеством стран-соседей, множеством национальностей и достаточным запасом природных ресурсов исторически использовалось смыслопроизводящими элитами для культивации идеи «исключительности» российского государства. В разные эпохи на уровне *tacit knowledge* это определяло властный стиль мышления как имперский, что на практике превращалось то в расширение сфер влияния, то и вовсе во внешнюю экспансию.

Однако идеология СССР распалась, затем последовало разочарование в идеях свободного рынка и демократии, при этом

новой идеи за пределами ресурсного освоения страны при трофейном способе хозяйствования сконструировано не было. Идеологическое конструирование в России было забыто, поскольку с началом 2000-х пришедшие к власти элиты могли бы не заботиться о легитимации своего статус-кво в глазах народа. Возросшие цены на нефтепродукты позволили вместо надындивидуальных ценностей разрешать социальные напряженности незначительным улучшением жизни населения. В результате общестрановой идентичности, необходимой с российским многообразием этносов и религиозных верований, не было сформировано. В информационно-идеологическом пространстве с начала 2000-х между строк транслировался политический миф о воцарении «золотого века» (процветания), непродуктивный в качестве основы для национальной идеологии, поскольку не побуждает граждан к действиям ради общенациональной цели.

Хотя преувеличением было бы говорить, что о поиске национальной идеи никто не заявлял, тема конструирования идеологий была маргинальной до последних месяцев, пока политическое руководство страны не заговорило о необходимости создать идеологию, лежащую вне принципов коммунизма, монархизма и ультралиберализма. Также в информационном пространстве появились сообщения о планах ввести ответственных за идеологию работников в учебных заведениях. Все это сделало исследование вопросов идентичности и нациестроительства в России сегодня актуальным и опережающим время.

Интересно, в Послании В.Путина Федеральному Собранию за время его пребывания у власти неоднократно звучал призыв реализовать неполитические ценности: «трудиться на хорошей, интерес-

ной работе, строить бизнес, обзаводиться жильём, создавать большую и крепкую семью, воспитывать много детей, быть счастливым» (2012 год). Однако такие личностные по масштабу ценности, по словам В.Путина, могут также становиться и надындивидуальными, то есть одним из «трех китов» идеологии. В выступлении Президента на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи в сентябре 2012 года говорилось по сути, что получение гражданами качественного образования или их персональная забота о здоровье является личным вкладом каждого в формирование конкурентоспособной нации.

С другой стороны, в последний срок президентства Путина для России – на геополитическом уровне – была заявлена задача создания Евразийского союза интеграции с Белоруссией и Казахстаном. Идеологического наполнения объединение пока не получило, так как метафора евразийства на сегодняшний момент не обрела единого толкования: прагматически в основе лежит идея объединения экономик в объеме 300 млн населения, но примиряющей противоречия ценностной и мировоззренческой базы на сегодняшний день нет. К примеру, в отношениях с Евросоюзом это оказалось критическим еще при подписании Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 года, которое подразумевало установление отношений на основе общих ценностей – попранных в результате Чеченской кампании и отставленных с установлением путинской парадигмы.

В сегодняшней ситуации создается впечатление, что ведение государственной политики сообразно с нравственными принципами приносит заметные дивиденды. Иллюстрацией может служить принципиальная победа российского руководства над американским по вопросу миротворческих бомбардировок в Сирии, когда В.Путин

озвучивал риторику в духе не обычного в последние десятилетия реализма (страна борется за господство, потому что иначе ее съедят), а конструктивизма (у страны могут быть государства-союзники и международные обязательства). Пример обратного Россия демонстрирует по отношению к Украине, допуская порядок международного политического торга в духе «кто больше предложит», а не опираясь на привлекательную – пусть и не всегда за рамками информационно-идеологического аспекта – территориальную идентичность.

В конечном счете, если в российскую геополитическую стратегию входит распространение сфер влияния на пространстве Евразии в лице стран СНГ и не только, форматы могут не сводиться к привлечению стран в интеграционные объединения. По Ч.Тилли в эпоху пост-модерна контроль над территорией не сводится к силовому, а подразумевает также и моделирование информационно-идеологического пространства. Для России вопрос тем острее, чем активнее на роль знаменателя в евразийском экономическом процессе сближения претендует Турция, продвигающая принципы суннитского ислама. Для уменьшения издержек на транзакции без информационно-идеологического консенсуса здесь не обойтись.

Выстраивать помимо институциональной еще и ценностную основу отношений с соседями следовало бы вкупе с интеграцией российских меньшинств в единое культурное целое, формируя новую российскую идентичность центра евразийской интеграции. В этом может помочь привнесение в геополитику компонента рефлексии, которая позволяет превратить это направление из архаичного во вполне функциональное, удовлетворяющее как требованием объяснительности, так и прогностичности, и ставить новые задачи.

Пространственные идентичности в российских регионах (на основе анализа названий предприятий общественного питания)

Целью данного исследования было проследить пространственные идентичности в ряде российских регионов через анализ названий предприятий общественного питания. Подобный подход к исследованию идентичности лежит в рамках так называемой «нефизической» или «культурной» географии. В основе концепции исследования лежит предположение о том, что идентичность модно проследить и выявить через исследование не только опросов общественного мнения, но и косвенных признаков в материальной культуре, которые являются неосознанными свидетельствами пространственных предпочтений. Таким образом, делается попытка выйти за рамки нормативного подхода к определению взаимодействия пространства и общества и перейти в конструктивистскую парадигму, предполагающую, что пространство воздействует на общество через восприятие.

В то время как в отечественной науке подобные методики ещё не получили большого распространения, в США существует целый ряд разработок в данной области. К примеру, очертить границы той или иной пространственной общности помогает анализ границ распространения определённых архитектурных

элементов. Так, классик американской культурной географии В.Зелинский анализировал распространение культуры крытых мостов, типичных для Новой Англии, а значит, свидетельствующих о границах её распространения⁷¹. Небезынтересны и исследования М. Болдуина, посвящённые анализу ареала расселения болельщиков тех или иных команд⁷².

В нашем случае сделана попытка не выделить ареал распространения того или иного явления или понятия, а систематизировать и классифицировать массив названий предприятий общепита, имеющих отношение к пространственному аспекту. То есть, вместо, чтобы очертить регионы, имеющие ту или иную пространственную принадлежность, исследование направлено на выделение всей палитры идентичностей и отражение их конкуренции и наслоения.

Стоит отметить, что в названиях предприятий общепита отражено представление не только о собственной идентичности, но и об идентичности желаемой, о стремлении ощутить принадлежность к престижной общности. Действительно, чтобы привлечь клиентов, хозяин ориентируется на своё представление о престижной идентичности. Можно возразить, что хорошим рекламным ходом является открытие экзотического заведения с соответствующим названием, однако такое объяснение будет справедливо лишь для малой доли предприятий общепита, ведь цель большин-

71 Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4-го Конвента РАМИ. Том 2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной. М.: МГИМО-Университет. 2007. С.102.

72 Там же. С. 101.

ства из них – привлекать клиентов на регулярной основе – лишь такой подход обеспечит предприятию стабильную прибыль.

При анализе названий указанием на регион считались не только топонимы, но и символы, к примеру, название «Фрау Марта» рассматривалось как указание на Европу. Кроме того, учитывалась и доля названий на латинице или же с транслитерацией иностранных слов – она воспринималась как указание на готовность жителей воспринимать иностранные слова, а значит, в некотором роде, на уровень глобализованности.

Для целей исследования было решено исследовать проявления пространственной идентичности на примере Астрахани, Владивостока, Калининграда, Томска, Тулы и Чебоксар. Данные города выбраны с точки зрения приблизительного равенства численности населения, но принципиальных различий геополитического положения и культурно-исторического контекста развития. Астрахань – город на юге Поволжья, давно переставший быть ареной важных геополитических событий. Владивосток – важнейший порт Дальнего Востока, подверженный, сильному влиянию. Китая и Японии. Калининград – столица региона-эксклава, вошедшего в состав России только в 1945 году. Томск – один из крупных сибирских центров. Тула является примером традиционно русского города. Чебоксары – столица национальной республики.

Анализ показал, что наибольшая доля географических названий кафе и ресторанов наблюдается во Владивостоке (40%), Калининграде (38%) и Томске (30,5%). И действительно, для истории, культуры и самосознания этих городов было особенно важно их географическое положение: перед нами два пригранич-

ных города, а также крупный город Сибири, в котором, вероятно, ощущает свою принадлежность к уникальной сибирской территориально общности. Максимальное количество названий с использованием латиницы (41%) наблюдается во Владивостоке, что говорит о сильной глобализованности города, готовности жителей воспринимать иностранные слова.

Что касается географических общностей, примечательно, что во всех городах, кроме Владивостока, среди географических названий наиболее часто встречаются отсылки к Европе (к примеру, в Калининграде таких названий 57%, что неудивительно, учитывая географическое положение и историю города). Во Владивостоке же, напротив, почти половина названий (45%) отсылают к Азии.

Примечательно также, что только в Томске и Владивостоке количество условно азиатских названий больше российских. При этом, в Томске довольно часто встречаются и упоминания Сибири.

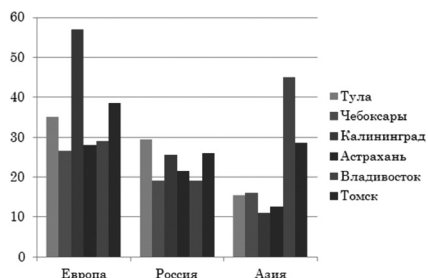
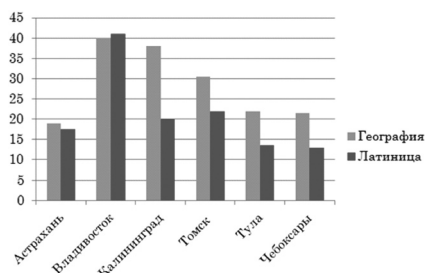
Наибольшее число названий, связанных с Россией, в Туле (29,5%), что ещё раз подтверждает русский образ города. При этом, довольно часто здесь встречаются названия, связанные со временами Российской Империи, что, вероятно, является отсылкой к периоду наибольшего величия Тулы.

В Калининграде также довольно много названий, связанных с Россией, то есть, в городе есть запрос на российскую идентичность, желание подчеркнуть принадлежность к России.

Хотя на первом месте по географическому названию крупный порт Владивосток, в Чебоксарах также можно встретить достаточно много нехарактерных для других городов названий,

особенно, американских. Вероятно, после разрушения советской идентичности город, который никогда не отличался особенной географической, политической или экономической значимостью, находится в состоянии поиска своего «я» в условиях, когда российская идентичность не воспринимается как в полной мере «своя», а местная не обладает достаточной привлекательностью. Отсюда получается географический разброс названий.

На диаграммах представлены некоторые сводные данные исследования.

Таким образом, анализ названий кафе и ресторанов ряда российских городов позволил сделать некоторые выводы об их пространственной идентичности.

Библиография

1. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4-го Конвента РАМИ. Том 2. Идентичность и суверенитет: новые походы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной. М.: МГИМО-Университет. 2007.

Влияние политической мифологии на имидж государства

В ходе всего исторического процесса, миф всегда являлся неотъемлемой частью любой культуры, а также, инструментом социализации представителей любого общества. Особое место во всей совокупности мифов занимают мифы политические как часть политической культуры.

Ни одно политическое мировоззрение, ни одну идеологическую концепцию невозможно рассматривать в отрыве от политической мифологии какими бы рационалистическими чертами данное мировоззрение или концепция не обладала.

Несмотря на такую всеобъемлющую роль политической мифологии ее, зачастую, рассматривают как малозначимую область, не представляющую существенный интерес для всестороннего научного анализа.

Одной из важных особенностей политических мифов является его характеристика как некоего радикального суждения на те, или иные социально-политические вопросы и его попытка дать ответ, основанный на этом радикальном суждение.

Существует определенный набор сложившихся политических мифов, но, вместе с тем, традиционные мифы трансформируются под влиянием меняющихся социально-политических реалий, как на региональном, так и на глобальном уровне. И эти трансформирующиеся мифы, наравне с уже давно сформиро-

вавшимися, ложатся в основу политического имиджа различных субъектов политических процессов на всех уровнях.

Безусловно, политическая мифология оказывает огромное влияние на формирование политического имиджа государств на международной арене. При этом, влияние может быть как позитивное, так и негативное, использоваться с целью улучшения или ухудшения имиджа, а миф, в свою очередь, может быть как искусственно сконструированным, так и возникшим под влиянием каких-либо исторических событий. Так, например, политический имидж государства тесно связан с тем насколько эффективно осуществляется процесс продуцирования национального мифа; не находится ли национальный миф в состоянии стагнации.

Особую роль политический имидж государства начинает приобретать в любой кризисной ситуации, на фоне которой, зачастую, обостряются все противоречия политического, экономического и иного рода. Чем серьезней политический кризис, тем широкимасштабнее разворачивается информационная война, в ходе которой мифам противостоят контр-мифы.

Наибольшее значение противостояние мифов и контр-мифов возникает в период военного конфликта как апофеоза кризиса межгосударственных отношений. В ходе информационной войны конфликтующие стороны формируют необходимые им новые политические мифы, или используют старые, при помощи которых осуществляется как психологическое воздействие на участников противоборствующей стороны, так и мобилизация граждан государства, участвующего в конфликте. Кроме того, политический миф используется для оправдания участия сторон в политическом конфликте. Можно с уверенностью утверждать, что в условиях

постиндустриального информационного общества, политический миф о каком-либо политическом процессе распространяется быстрее, чем когда-либо раньше. А, следовательно, чем более доступно, убедительно и оперативно подана информация, тем более благоприятный политический имидж будет сформирован, а, кроме того, от этого зависит то насколько эффективно миф будет противостоять контр-мифу.

В значительной мере, именно под влиянием борьбы мифов и контр-мифов происходит трансформация политического имиджа государства. Точно также как модернизируется политический миф под воздействием изменений происходящих в политической культуре, политический имидж не может оставаться неизменным. И, хотя, базовые мифы и стереотипы о каком-либо государстве, зачастую, переживают само государство, для эффективности политического имиджа необходима его постоянная корректировка в той или иной степени.

Идеологический проект «Великая Албания» на современной ПКМ

Проект “Великой Албании” является идеей албанцев по созданию государства, где албанский этнос является преобладающим. Идея была впервые озвучена в 1878 году на территории современной республики Косово в Призрене, когда была создана Призренская Лига Албанского народа, которая выступала за автономию в составе Османской империи территорий, где албанцы составляли этническое большинство. Однако тогда эта идея не увенчалась успехом, так как в 1880 году Призренская Лига Албанского народа была разогнана. Но именно тогда была впервые сформулирован проект по созданию “Великой Албании”⁷³. Границы этого проекта являются границами проживания албанского этноса. На то время этой территорией являлись четыре албанских вилайета на территории Османской империи: Манастир, Янина, Шкодер и Косово. Сейчас это территории:

– в Сербии: территория Косово и Метохии, долина реки Южная Морава на востоке, от округа Топлица до Нишавского округа на северо-востоке, большая часть Рашской области на северо-западе

– в Черногории: почти вся восточная часть Черногории до г. Подгорица

– в Македонии: целая территория западнее р. Вардар, территории севернее и северо-восточнее г. Скопье,

⁷³ Арш, Г.Л. Краткая история Албании. М.: Наука, 1992.

– в Греции: северо-западная часть Греции (греческая часть Эпира), территория до Амбракийского залива.

Реализация проекта “Великой Албании” на практике состоялась во время итало-немецкой оккупации 1939-1944 года. В апреле 1941 года немцы оккупировали Югославию. Контроль над Косово был разделён между Италией и Германией. Немецкие и итальянские войска были приняты как освободители, так как надеялись, что им окажут помощь в создании единого национального албанского государства. При них было создано Великое Герцогство Албания (кроме Албании туда входили территории Метохии, центрального Косово и западной Македонии), как следствие происходили этнические чистки сербов. После выхода Италии из Войны, территория Великого герцогства перешла в состав фашистской Германии. Была сформирована Вторая Призренская Лига, в которой принимали участие албанские националисты. Руководство Второй Призренской Лиги открыто объявляло о необходимости переселения сербов с территории Великого Герцогства. В конце войны большинство албанцев было готово к защите этнических границ. Однако партизанские движения под руководством КПЮ смогли взять контроль над Косово, а Великое Герцогство Албания пало. Сегодня данный проект не потерял своей актуальности, так как албанцы пытаются воссоздать германо-итальянскую идею 1939-1944 гг.⁷⁴

К ключевым документам «Великой Албании» стоит отнести «Меморандум» Форума албанских интеллектуалов Косово от 26 октября 1996 года и «Платформа решения албанского нацио-

74 Dr Jovan Bazić Velika Albanija postaje stvarnost. Kosovska Mitrovica: Univerzitet u Prištini, 2005.

нального вопроса» Албанской академии наук составленная летом 1998 года. Эти документы были переведены на английский язык и распространены по всему миру

В соответствии с этой концепцией борьба будет вестись следующим образом:

1. Косово с южными землями Сербии (муниципалитеты Прешево, Буяновец и Медведжа) должны стать независимым государством с гарантиями равной открытости, как Сербии, так и Албании,. Минимум на что албанцы согласны – статус третьего государственного образования в содружестве СиЧ;

2. Проблема албанцев на территории Македонии, составляющих 35% населения страны, может быть решена двумя способами: или Македония становится двунациональным государством, либо в составе Македонии будет образована автономная албанская национальная область;

3. Территории Черногории, где превалируют албанцы, должны стать автономной областью со столицей в Улцине.

4. В Греции албанцев должны расширить их права путём разрешения преподавание им в начальных школах албанского языка, и ввести на албанском языке предметы «История Албании», «История албанской литературы» и другие. Впоследствии выделение в автономную область муниципалитета Чамерия.

На втором этапе эти государства должны объединиться с Албанией в единое государство. Причём важнейшую роль в создании “Великой Албании” должна сыграть независимое Косово, которое должно сыграть передовика в создании национального албанского.⁷⁵

75 Дретсун М. Савез албанске државе до 2010, 2006.

Албанцы в Черногории

По переписи Черногории за 2011 го⁷⁶ число албанцев в стране составляет 30439 человек, что составляет 4.91 % от всего населения Черногории. Албанцы занимают 4 место по численности после черногорцев, сербов и боснийцев. Лишь в одном регионе – Улцинь албанцы составляют большинство. Крупные группы албанцев проживают так же в регионе Плав (18.88% от всего населения Плава). Более 5 процентов албанцев проживают в Баре, Подгорице и Рожаяе. Стоит отметить, что все эти регионы являются пограничными с Албанией. В остальных же регионах процент албанского населения не превышает 1%.⁷⁷

По сравнению с другими странами, где проживают албанцы, Черногория является самым спокойным регионом. Албанцы пока мирно сосуществуют с черногорцами, и даже представлены в местном парламенте-Скупщине. В парламенте представлены 2 албанские партии и 2 албанских блока, имеющие по одному мандату, – Демократический союз албанцев, «Новая демократическая сила – ФОРЦА», албанский список «Демократический союз в Черногории – Албанская альтернатива», албанская коалиция «Перспектива». Всего же в Скупщине 81 место.

Албанцы в Македонии

Албанцы являются крупнейшим этническим меньшинством на территории Республики Македония. Из 2022547 граждан Македонии, 509083, или 25,17%, являются албанцами по результатам последней национальной переписи населения, проходившей в 2002 году.⁷⁸

76 Popis stanovništva, domaćinstava i Stanova u Grnoj Gori 2011.

77 Там же.

78 Попис на населението, домаќинстава и становите во република. Македонија, 2002.

Стоит отметить, что перепись 2011 года не состоялась, так как именно албанское население бойкотировало её. Албанское меньшинство живет в основном в северо-западной части страны.

Если брать в процентном соотношении, то из 84 муниципалитетов в стране, 16 имеют албанское большинство. Это муниципалитеты Желино, Осломей, Заяс, Липково, Боговинье, Арачиново, Сарай, Теарце, Враптиште, Тетово, Студеничави, Гостивар, Дебар, Чаир и Струга. Причём в 7 регионах процент албанцев превышает 90%: муниципалитеты Желино, Осломей, Заяс, Липково, Боговинье, Арачиново. В регионе Желино доля албанцев максимальна и равна 99.2%. В основном, это районы на границе с Албанией и Косово.⁷⁹

С конца Второй мировой войны население Социалистической Республики Македонии неуклонно растёт, при этом наибольший рост происходит в этнических албанцев. В 1953 году албанцы составили 19% от общей численности населения. Численность населения снизилась до 13% в 1961 году, но снова выросла в 1971 году до 17%. К 1981 году доля албанцев выросла до 19,7%, а в 1991 до 21%. На последней переписи населения в 2002 г. доля албанцев равнялась 25,17%. Стоит отметить что именно албанцы сорвали перепись населения Македонии в 2011 году.

Сейчас в парламенте Республики Македония представлено несколько албанских партий: Демократический союз за интеграцию (ДСИ) и Демократическая партия албанцев. В 2008 году на выборах в парламент Македонии, ДСИ набрал 11,3% от общего числа голосов, в то время как ДПА получила 10,1%. В 2011 г. в результате аналогичных парламентских выборов, албанские

79 Там же.

партии получили 20,96% от общего всенародного голосования. ДСИ получил 10,2% голосов, что дало им 15 мест. Это потеря 3 мест по сравнению с предыдущими выборами. ДПА получила 5,9% голосов, выиграв 8 мест, которые тоже потеряли 3 места от выборов 2008 года. Третья партия албанцев (Национальная демократическая партия возрождения) получила два места с 2,7% голосов. В 2011 году албанские партии получили 25 из 120 мест в парламенте Македонии, в 1990-1994 и 1994-1998 годов их было около 20 депутатов из албанских политических партий. Этнические албанцы в Республике Македонии также занимают высокопоставленные руководящие должности в государственных предприятиях, армии, полиции, а также органов самоуправления.

Количество столкновений албанцев с македонцами за последние пару лет снова возросло. В 2012 году зафиксировано 25 межэтнических столкновений, в которых пострадало 38 человек, сожжено 2 православные церкви. Основные столкновения зафиксированы в Скопье и Тетово. Сейчас албанцы, получившие определённые права в 2001 году, пытаются добиться конституционного признания албанского нацменьшинства в республике в качестве второй государствообразующей нации и закрепления за албанским языком статуса государственного. В будущем же албанцы планируют получить автономию или вхождение в состав национального государства “Великая Албания”.

Албанцы в Сербии

Албанцы проживают в южных частях страны, а так же составляют большинство в Косово и Метохии. Перепись Сербии обладает подробными данными по этническому и национальному

составу населения до уровня муниципалитетов. Из-за неопределённого статуса Косово на современной ПКМ перепись не охватывает данную территорию. Кроме того из-за бойкота албанцев переписи населения 2011 года⁸⁰ данные в 3 муниципалитетах, таких как Прешево, Буяновац и Медвешча неверные, поэтому для этих регионов были взяты данные переписи 2002 года.⁸¹ Албанцы проживают в южных частях страны, а так же составляют большинство в Косово и Метохии. По данным переписи 2002 года⁸² в Сербии проживает 61 647 албанцев в Сербии, а косовские албанцы переписью не учитываются. Из них 59 952 живут в долине Прешево на юге Сербии недалеко от границы с Косово Они в основном проживают в муниципалитетах Прешево и Буяновац а также в части муниципалитета Медведжа. Однако преваляют албанцы только в муниципалитетах Прешево и Буяновац, а так же на всей территории Косово и Метохии. На эти территории и претендуют албанцы.

По данным переписи 1991 года, албанцы составляли большинство в 23 из 29 муниципалитетов Косово и Метохии. Сейчас таких муниципалитетов 25. Это муниципалитеты Дечани, Призрен, Драгаш, Липлян, Сербича, Гаковица, Малишево, Глоговац, Косовска-Митровица, Гнилане, Ново Брдо, Сува-Река, Исток, Обилич, Урошевац, Качаник, Ораховац, Косовска – Каменица, Печ, Вунитрн, Клина, Подуево, Штимле, Косово поле, Приштина. Сербы преваляют только на территориях муници-

80 Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији: Национална Припадност, Подаци по општинама и градовима, 2011.

81 Popis stanovništva, domaćinstava i Stanovay 2002. Knjiga 1: Национална и Етничка припадност, 2003

82 Там же.

палитетов Зубин – Поток, Лепосавик, Штрпце и Звечан. Однако в 2011 году⁸³ уже силами независимого Косово была проведена своя перепись в результате доля албанского населения составила 92,93%. Эту перепись частично бойкотировало сербское население, однако это наиболее актуальные данные на сегодняшний момент, так как прошлая перепись в Косово была проведена в 1991 году.

В 2008 году сербская территория Косово и Метохия провозгласила независимость от Сербии как Республика Косово. На конец апреля 2013 года независимость Республики Косово признало 99 стран мировой общественности. Таким образом, фактически Косово стало независимой страной и стало первым шагом к созданию “Великой Албании”. Следующим шагом может стать повторение конфликтов в Южной Сербии и провозглашение Прешево, Медведжи и Буяноваца частью “Великой Албании”.

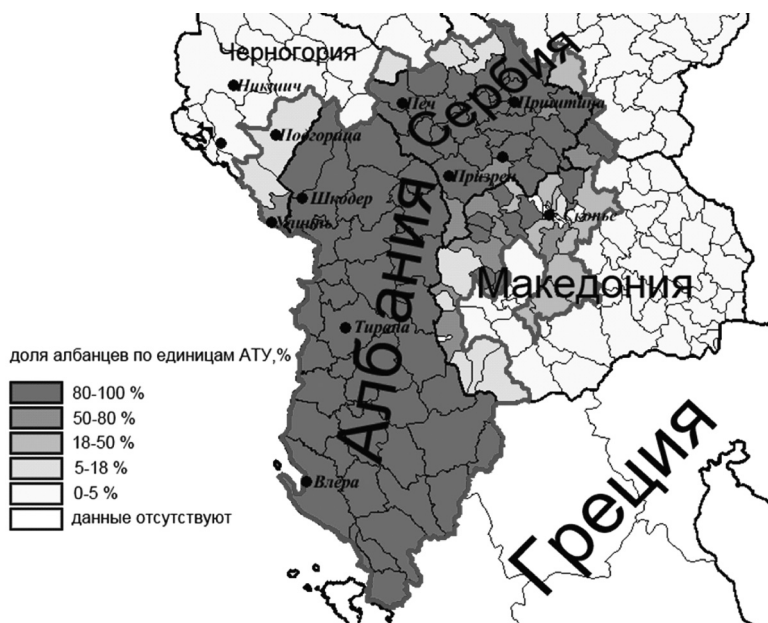
Албанцы в Греции

Проблема албанцев в Греции стоит не так остро на данный момент, однако и там периодически вспыхивают конфликты. Албанцы преобладают здесь всего в 1 муниципалитете Чамерии в области Эпира. В этом муниципалитете сейчас периодически случаются демонстрации албанцев с лозунгами

Сейчас греческое правительство закрывает глаза на демонстрации албанцев, так как, во-первых, опасаются усиления мусульманского вопроса внутри страны (во Фракии остро стоит вопрос конфликта с турками), а во-вторых, Греция не хочет обострять албанский вопрос, дабы не дестабилизировать региональные и межцивилизационные отношения.

83 Estimation of Kosovo population 2011. Pristina, 2013

Картосхема 1. Границы идеологического проекта «Великая Албания»⁸⁴

Сейчас проект Великой Албании в разных странах реализуется по – разному. Этот проект поддерживается государственными властями, которые открыто объявляют о необходимости присоединения территорий с преобладающим албанским населением. Албания выделяется тем, что отличается от своих соседей по религиозно-конфессиональному признаку, поэтому она заручилась поддержкой всего исламского мира. Кроме этого, Албания заняла такую позицию в системе международных отношений, что

84 Составлено автором по: Estimation of Kosovo population 2011. Pristina, 2013; Popis stanovništva, domaćinstava i Stanova u Grnoj Gori 2011; Попис на населението, домаќинстава и становите во република. Македонија, 2002; Попис становништва, домаќинстава и станова 2011. у Републици Србији: Национална Припадност, Подаци по општинама и градовима, 2011.

пользуется поддержкой и стран Запада. В Сербии произошла война, в результате которой на 16 марта 2013 года уже 99 стран мира признают Косово. В Македонии албанцы живут в северо-западных частях страны и принимают активное участие в политической жизни страны. После инцидентов в Косово начались столкновения с местным населением, после которых албанцы фактически получили автономию. В Черногории и Греции пока албанцы мирно сосуществуют на одной территории, ограничиваясь демонстрациями в целях увеличения прав албанцев. Всё это соответствует плану по созданию “Великой Албании”, который был развёрнут во времена фашистской итало-немецкой оккупацией и который непосредственно реализуется на современной ПКМ.

Библиография

1. Арш, Г.Л. Краткая история Албании. М.: Наука, 1992.
2. Дретсун М. Савез албанске државе до 2010, 2006.
3. Попис на населението, домаќинстава и становите во република. Македонија, 2002.
4. Попис становништва, домаќинстава и станова 2011. у Републици Србији: Национална Припадност, Подаци по општинама и градовима, 2011.
5. Dr Jovan Bazić Velika Albanija postaje stvarnost. Kosovska Mitrovica: Univerzitet u Prištini, 2005.
6. Estimation of Kosovo population 2011. Pristina, 2013.
7. Popis stanovništva, домаќинстава i Stanova u Grnoj Gori 2011.
8. Popis stanovništva, домаќинстава i Stanovay 2002. Knjiga 1: Национална или Етничка припадност, 2003.

Региональная метрополия Кавказские Минеральные Воды как геополитический центр Юга России

Под метрополитизацией в современной науке традиционно понимается процесс образования географического центра или ареала (города, иногда страны либо её части), обладающего зависимой (в хозяйственном, политическом, культурном отношении) территорией (периферией, колониями)⁸⁵. Таким образом, метрополитизация воплощает фактическую, универсальную, реализуемую в конкретной геопространственной форме способность одних территорий осуществлять «свою волю» относительно других территорий.

Результатом протекания метрополитизационных процессов является формирование региональных метрополий. Региональная метрополия является продуктом совокупного действия процессов глобализации и регионализации, характеризующимся устойчивой территориально-экономической структурой и функционирующим в условиях экономической и политической доминанты над пространством.⁸⁶ Региональные метрополии обычно образуются

85 Зими́на Н.В. Региональные метрополии: функциональная структура городов, как основа реализации потенциала агломерирования // Рубикон. Вып. 42. Ростов-на-Дону, 2007. С.5/

86 Дружинин А.Г. Исследование феномена метрополитизации как приоритетное направление развития социально-экономической географии «вглубь» // Социально-экономическая география: теория, история, методы, практика. Смоленск, 2011. С.201-205.

из крупнейших городских агломераций с дифференцированной отраслевой структурой, значительными демографическими ресурсами и играющих значительную роль в формировании мезоэкономического пространства и управления территорией.

Для Юга России характерен особый процесс протекания метрополизации, обусловленный факторами периферийности, руральности и полиэтничности и проявляющийся в усилении территориально-социальной сегрегации, повышении роли экзогенных факторов, незначительном взаимодействии ведущих метрополий.⁸⁷

В системе метрополий Юга России, включающей три уровня – федеральный, областной и агломерационный⁸⁸, особое положение занимает формирующийся многоуровневый центр метрополизации в регионе Кавказские Минеральные Воды (далее – КМВ), геополитическое значение которого сильно выросло после создания нового федерального округа (Северо-Кавказского) с центром в одном из городов КМВ.

Образование региональной метрополии в регионе КМВ произошло в 2010 года: помимо соответствующих урбанистических, социально-демографических и экономических параметров метрополии, агломерация получила основной, управленческо-политический, критерий: город Пятигорск стал ядром не только миллионной конурбации, но и официальной столицей новообразованного Северо-Кавказского федерального округа.

87 Дружинин А.Г. Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте. Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012, №1, С. 17.

88 Зимина Н.В. Региональные метрополии: функциональная структура городов, как основа реализации потенциала агломерирования // Рубикон. Вып. 42. Ростов-на-Дону, 2007. С.5.

На настоящий момент агломерация КМВ обладает обширной зоной влияния, выраженной общероссийской и международной специализацией, устойчивыми социальными, экономическими и политическими связями с другими метрополиями и полюсами роста как в границах России, так и за её пределами, на основании чего можно сделать вывод о формировании на ее основе полноценной региональной метрополии.

Любая метрополия формируется на базе доминирующего центра (ядра)⁸⁹, однако в случае с исследуемым регионом КМВ выделение такого центра является спорным: функции ядра разделены между несколькими городами, занимающими относительно равное положение в иерархической структуре агломерации, однако на разных уровнях метрополизации их позиции дифференцированы.

Важнейшими полюсом притяжения в метрополии следует считать Пятигорск – крупнейший и наиболее динамичный город региона, демографический, политический и экономический центр агломерации. Начиная с XIX века он оспаривает статус региональной столицы своего региона у Ставрополя.⁹⁰ Геополитическое влияние Пятигорска не ограничивается пределами Ставропольского края: на уровне макрорегиона СКФО Пятигорск выполняет столичные функции и является управленческим центром федерального значения. Выбор Пятигорска как столицы СКФО не

89 Грицай О.В, Иоффе Г.В, Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М, 1991. С. 5-6, 26-29, 31, 60-64, 83.

90 Дружинин А.Г. Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте. Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. №1. С. 17.

случаен: этот город, располагаясь почти на границе, имеет связь со всеми субъектами округа; через него проходит главная транспортная магистраль Северного Кавказа «Краснодар-Баку»; в пространственном плане он находится в географическом центре нового округа и в то же время располагается на относительно спокойной территории.

Также центральные функции в метрополии выполняют города Ессентуки (административный центр), Кисловодск (крупнейший курорт и транспортный центр), Минеральные Воды (крупнейший транспортный узел, как агломерации, так и макрорегиона).⁹¹

В процессе исследования было установлено, что региональная метрополия КМВ имеет сложную иерархическую структуру, в которой автор на основании выполняемых функций, доминирующих центров и контроля над территорией выделил три уровня (Карта 1).

Карта 1. Распределение центральных функций на разных иерархических уровнях метрополии Кавказские Минеральные Воды

91 Проект «Стратегия социально-экономического развития особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации – Кавказских Минеральных Вод до 2020 года». С. 3, 8-12, 16-18, 28, 32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mkt.stavregion.ru/proekty-i-programmy/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-osobo-ohranyaemogo/>

На агломерационном уровне границы периферии метрополии совпадают с границами агломерации КМВ, а метрополия является полицентрической: центральные функции распределены между четырьмя основными центрами, наблюдается децентрализация. Метрополизационные процессы на этой территории начались еще в XIX веке, границы метрополии постоянны, на основе чего можно утверждать, что на агломерационном уровне метрополия является сформировавшейся, развитие ее происходит равномерно.

Региональный уровень включает зону влияния региона КМВ: Предгорный, Минераловодский, Георгиевский, Кировский, Андроповский и Кочубеевский районы Ставропольского края.⁹² Основные центральные функции разделены между двумя городами – Пятигорском и Ессентуками, причем функциональное значение этих городов по сравнению с предыдущим уровнем остается неизменным. Для регионального уровня характерна постоянная конкуренция за раздел сфер влияния между Ставрополем и Пятигорском, что не позволяет говорить о сформированности и законченности метрополизационных процессов на данном уровне.

Межрегиональный уровень включает территорию СКФО; он является наиболее молодым (процессы метрополизации начались под административным давлением с 2010 года) и наименее сформированным. Метрополия моноцентрична: единственный полюс – город Пятигорск. Он выполняет управленческие функции, однако не воспринимается таковым большей частью населения региона.

92 Северо-Кавказский федеральный округ. Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в СКФО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.skfo.gov.ru>

Необходимо отметить, что фактически центр метрополии КМВ контролирует только агломерационный и региональный уровни, сформировавшиеся в процессе исторического развития в соответствии с особенностями геопространства и под воздействием его факторов. Межрегиональный уровень был создан искусственно для реализации управленческих решений государственной власти, однако на уровне восприятия населения фактическими центрами новообразованного округа являются Махачкала или Грозный, исходя из чего региональную метрополию КМВ в пределах СКФО следует считать искусственной.⁹³

Дальнейшее развитие региональной метрополии напрямую связано с реализацией проекта по объединению курортной агломерации КМВ, не имеющей на настоящий момент официально-закреплённого статуса агломерации, в единое муниципальное образование – Минеральные Воды с населением более 1 млн. человека, общей схемой территориального планирования и стратегией экономического развития, оптимизированной системой управления.⁹⁴ Следствием этого станет значительное повышение метрополитенского потенциала КМВ на всех иерархических уровнях и на политической карте появится крупный центр влияния, полностью меняющий ситуацию на Юге России.

Если на настоящий момент важнейшими центрами роста и притяжения населения, инноваций и капитала в макрорегио-

93 Зими́на Н.В. Региональные метрополии: функциональная структура городов, как основа реализации потенциала агломерирования // Рубикон. Вып. 42. Ростов-на-Дону, 2007. С.14-21.

94 Северо-Кавказский федеральный округ. Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в СКФО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.skfo.gov.ru>

не являются метрополии городов-миллионников Краснодара и Ростова-на-Дону, то в результате объединения городов региона КМВ в единое политическое образование с интеграцией всех населенных пунктов в единое урбанистическое пространство произойдет формирование региональной метрополии высшего уровня, которая станет фактическим экономическим, политическим и идеологическим центром Северного Кавказа и сможет претендовать на статус главного города Юга России.

Библиография

1. Грицай О.В, Иоффе Г.В, Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М, 1991.
2. Дружинин А.Г. Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте. Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. №1. С. 17
3. Дружинин А.Г. Исследование феномена метрополизации как приоритетное направление развития социально-экономической географии «вглубь» // Социально-экономическая география: теория, история, методы, практика. Смоленск, 2011. С.201-205.
4. Дружинин А.Г. Пространство региональной метрополии: возможности и барьеры постиндустриального развития // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. №2. С. 4-6.

5. Зимина Н.В. Региональные метрополии: функциональная структура городов, как основа реализации потенциала агломерирования // Рубикон. Вып. 42. Ростов-на-Дону, 2007. С. 5-21.
6. Проект «Стратегия социально-экономического развития особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации – Кавказских Минеральных Вод до 2020 года». С. 3, 8-12, 16-18, 28, 32. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mkt.stavregion.ru/proekty-i-programmy/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-osobo-ohranyaemogo/>
7. Северо-Кавказский федеральный округ. Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в СКФО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.skfo.gov.ru>
8. Указ Президента РФ от 27 марта 1992 г. N 309 “Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации” // Ведомостях Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 783.
9. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru

Подходы к концепциям развития Сибири. Проклятие или сокровище

1. «Острой проблемой являются огромные города, жители которых исчисляются сотнями тысяч или даже перевалили за миллион, – такие как Иркутск, Якутск, Хабаровск, Красноярск, Омск, Новосибирск, Челябинск, Пермь и Екатеринбург... Многим из их жителей следовало бы переехать в западную часть страны, чтобы облегчить бремя российской экономики... Если уж Россия стремится стать управляемой и экономически жизнеспособной, ей надо «сжать» себя – не путем отказа от земель, а путем пространственной реорганизации своей экономики. Людям желательно мигрировать на запад, тем самым уменьшая крупные города в самых холодных и удаленных регионах».⁹⁵ Текст авторов книги «Сибирское проклятье», словно напоминает слова Маргарет Тэтчер о том, что Сибирь должна стать ресурсным придатком Европы. А идея, что территории останутся за Россией, без постоянно проживающего населения – автором данной статьи кажется ошибочной, это можно наблюдать последнее десятилетие на Дальнем Востоке. Возвести новые экономические комплексы на западе страны, кажется возможным. Что касается населения, то в западной части страны оно в 2,5 раза больше, чем в восточной. Из этого вытекает вопрос, а так ли необходимо переселение лю-

95 Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское проклятие. Просчеты советского планирования и будущее России М., 2003. 270 с.

дей с востока на запад? Выдвину гипотезу относительно Красноярска, на данный момент это самый динамично развивающийся город Сибири. Отчего такая уверенность? Выгодное географическое положение в центре страны, на судоходной реке, тяжелая промышленность – наследие союза. Строящаяся жд дорога до Тывинских месторождений угля, близость Канско-Ачинского, Ванкорского месторождений, региона Нижнего Приангарья. Возможно, это обуславливает то, что Красноярск – ныне город с положительным естественным приростом, который в рамках плановой экономики 30 лет пытался достигнуть миллиона жителей, в рамках рыночной за 20 лет наверстал более 150 тысяч жителей и достиг заветной планки. Центр самого богатого края страны, где такие объекты как Красноярская ГЭС, КРАЗ и НорНикель, края в котором содержится вся периодическая система таблицы Менделеева. Основываясь на всем этом, плюс затраты необходимые для универсиады которая должна пройти в 2019, Красноярск феноменально популярен для инвестиций. Рискну предположить, что ближайшие пару десятков лет Красноярск по всем показателям обгонит нынешнюю столицу СФО Новосибирск.

2. Паршев А.П. считает, что любое производство на территории России характеризуется чрезвычайно высоким уровнем издержек. Соответственно, во-первых, российская промышленная продукция, оказывается выше по себестоимости и при реализации по мировым ценам приносит нам убыток. Во-вторых, наши предприятия оказываются невыгодным объектом для привлечения капиталовложений из-за рубежа и для отечественных инвесторов. Андрей Петрович пишет о своем фундаментальном выводе: «для создания жизнеспособного государства на российской

территории нужно лишь одно: внутренний российский рынок должен быть изолирован от мирового».⁹⁶

Способна ли полная автаркия помочь России? Я считаю, что нет. Хотя, можно проанализировать 20-30-е годы XXв. в СССР, когда страна жила в таком положении. Но в рамках современных отношений, в том числе рыночных, это кажется утопичным. Не смотря на то, что на территории страны имеются все необходимые ресурсы для автономного существования, такой переход (если он возможен), должен очень долго и тщательно подготавливаться и прорабатываться. Например, развитием производственных комплексов, которые у нас в стране либо отсутствуют, либо слабо развиты. Такого пока мы не наблюдаем, именно поэтому такой переход сейчас считаю невозможным.

3. Михайлова Татьяна пишет, что современное размещение населения и промышленности в России холоднее и восточнее, чем могло бы быть. То есть, восточная часть страны заметно перенаселена по сравнению с гипотетическим рыночным размещением, в то время как западная часть страдает от относительного дефицита населения. Избыток населения в Сибирском и Дальневосточном регионах по разным подсчетам составляет от 10 до 15,7 миллиона человек.⁹⁷ По данным последней переписи население СФО и ДВФО равно 19 278 201 и 6 251 496 соответственно. Получается, Михайлова утверждает, что больше половины населения региона избыточно. И это в связи с известными проблемами недонаселения на Дальнем Востоке и частично в Восточной Сиби-

96 Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост – ЭД-Форум., 1999.

97 Mikhailova T. The Cost of the Cold. Pennsylvania: Pennsylvania State University, 2003.

ри и отрицательным естественным приростом, даже при помощи мигрантов. Я полностью солидарен с мнением господина Безрукова, который критикуя данный тезис заявляет, что переселение сибиряков не только нереально с экономической точки зрения, но и нежелательно по геополитическим, военно-стратегическим, этническим, культурно-психологическим, медицинским и прочим причинам.⁹⁸

4. «Пора прекратить создавать мифы о Сибири. Россиянам стоит начать думать о бескрайних зауральских пространствах как о российском пространстве, а не как о России. Зауралье – это периферия. Сибирь следует начать вновь рассматривать как отдаленный «ресурсный рубеж».⁹⁹ Искреннее недоумение и отрицательные эмоции вызывает данный текст американских авторов о Сибири. Только анализа XXв. и роли Сибири в истории страны уже хватит опротестовать выше написанный тезис. Благодаря освоению глубинных «ресурсных» районов, народно хозяйственный комплекс СССР сложился в основном самодостаточным, что гарантировало социалистической стране независимость от ведущих капиталистических держав. В годы ВОВ в значительной мере за счет накопленного экономического потенциала малоуязвимых для неприятеля восточных территорий и эвакуации туда предприятий с запада СССР выстоял и одержал победу над Германией. В послевоенное десятилетия ресурсы глубинных районов, в первую очередь Сибири, Поволжья и Урала, служили важнейшей материально-производственной основой превращения страны во

98 Безруков Л.А. Сибирский холод и экономика России // Журнал институциональных исследований. 2011. Том №3. №1.

99 Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское проклятие. Просчеты советского планирования и будущее России М., 2003. 270 с.

вторую супердержаву мира. В наше время, независимые подсчеты Безрукова Л.А. показали ранее скрытые цифры, а именно: «В расчете на 1 жителя Сибирь дает больше, чем страна в целом, промышленной продукции – в 2,3 раза, экспорта – в 3,9 раза, бюджетных доходов – в 2,9 раза. Таким образом, промышленность Сибири и прежде всего ее мощных ТПК характеризуется в действительности высокой эффективностью, «превышающей» влияние удорожающих сибирских условий».¹⁰⁰

5. «Азиатская Россия де-факто субсидирует европейскую, а не наоборот. Так что вопрос о том, что является бременем, а что – локомотивом благосостояния, в российских условиях не столь уж ясен... Чего стоит Сибирь? Я лично уверен, что она стоит того, чтобы ради нее кое-чем поступиться».¹⁰¹ Господин Лунев один из тех, кто поддерживает идею развития Сибири, и, её естественном синтезе с Россией. Необходимо констатировать, что подобные мнения в российской научной среде не многочисленны и слабо освещены. Печальна ситуация, в которой о таком богатом и территориально большом регионе страны написано мало научной литературы на русском языке. Позиция же автора данной статьи такова: Сибирь не стоит «отрывать» от остальной России, эта такая же территория государства как и другие, хоть и со своими особенностями. Рыночная экономика постепенно сама отрегулирует такие процессы как миграционные. А идею «заморозки» производственных, военных и др. комплексов в Сибири считаю нерациональной.

100 Безруков Л.А. Сибирский холод и экономика России // Журнал институциональных исследований. 2011. Том №3. №1.

101 Лунев С. И. Чего стоит Сибирь? // Международные процессы. 2004 № 1 (4).

Библиография

1. Безруков Л.А. Сибирский холод и экономика России // Журнал институциональных исследований. 2011. Том №3. №1.
2. Лунев С. И. Чего стоит Сибирь? // Международные процессы. 2004 № 1 (4).
3. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост – ЭД-Форум., 1999.
4. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское проклятие. Просчеты советского планирования и будущее России М., 2003. 270 с.
5. Mikhailova T. The Cost of the Cold. Pennsylvania: Pennsylvania State University, 2003.

VI. Информационное пространство

Кабанов Ю.А.

Информационное пространство как новое (гео) политическое пространство: роль и место государств

Информационное пространство (ИП) как объект исследования представляет интерес как для геополитики, так и для международных отношений. Вследствие этого появляются представления об информационной геополитике,¹⁰² об информационной парадигме геополитики, согласно которой «судьба пространственных отношений... определяется прежде всего информационным превосходством в виртуальном пространстве».¹⁰³ В науке о международных отношениях ИП рассматривается как «новое политическое пространство»,¹⁰⁴ как общее или «неразделенное» пространство.¹⁰⁵ Относительная новизна и виртуальность ИП по-

102 Нурышев Г.Н. Информационная геополитика: теоретико-методологические вопросы // Геополитика и безопасность. 2010. № 3(11). С. 37-38; Быков А. Информационная сущность геополитики // Космополис. 2008. № 3(22). С. 26.

103 Василенко И.А. Геополитика в информационном обществе: новые виртуальные стратегии в борьбе за пространство // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 6. С. 7.

104 Международные отношения в «новых политических пространствах» / Под ред. А.Д. Богатурова М., 2011. С. 169-191.

105 Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013. С. 389.

рождают дискуссии как о его природе, так и о месте и роли государств как акторов ИП.

Единого понимания ИП по-прежнему нет. Среди его определений можно выделить: синергетическое (открытая самоорганизующаяся система)¹⁰⁶, технологическое (информационная инфраструктура),¹⁰⁷ социальное (сфера информационных отношений)¹⁰⁸ и др. Сложность определения связана с динамичной, социотехнической¹⁰⁹ природой ИП.

Социотехническая природа обуславливает условное разделение ИП на информационно-психологическую и техническую компоненты,¹¹⁰ а также на «традиционное» ИП («бумажные» и телевизионные СМИ), и киберпространство (cyberspace – Интернет, другие глобальные сети). На наш взгляд, именно киберпространство становится центральным сегментом ИП, куда переходят все больше СМИ, концентрируются глобальные потоки экономических и политических транзакций, социальных взаимодействий. Поэтому под ИП в данной работе мы будем понимать, прежде всего, киберпространство.

ИП виртуально и довольно трудно сопоставимо с более конкретным, физическим понятием «территория»,¹¹¹ что порождает

106 Кириленко В.И. Информационное пространство как категория геополитики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 121.

107 Международные отношения в «новых политических пространствах» ... С. 169.

108 Быков А. Указ. соч. С. 26.

109 Socio – Technical Theory. URL: <http://www.istheory.yorku.ca/sociotechnicaltheory.htm> (дата обращения: 12.04.2013).

110 См.: Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Мн., 2004; Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003 и др.

111 Международные отношения в «новых политических пространствах» ... С. 44.

актуальные для геополитики споры о значении географии и принципа территориальности, о связи виртуального и физического пространств.

С одной стороны, ИП мыслится как качественно новый феномен, к которому малоприменимы старые категории. Так, Дж. О'Тоал указывает на возникновение «третьей природы» геополитики: замену территориальности телеметричностью, государств – сетями. Пространство становится кибернетическим, а ландшафт – информационным.¹¹² По С. Шпигелю, для высокотехнологичных «государств XXI века» физическая территория и география перестает играть существенную роль.¹¹³ М. Грэхем вообще предлагает отказаться от метафоры пространства как от не имеющей никакой связи с реальной сетевой архитектурой Интернета.¹¹⁴ С отсутствием в ИП границ и территории согласны и некоторые отечественные исследователи.¹¹⁵

Подобная точка зрения оспаривается, прежде всего, географами (С. Брунн¹¹⁶, М. Зук, М. Додж, Р. Китчин¹¹⁷). Так, М. Зук полагает, что Интернет не означает конца географии, а становится стимулом для развития «новых географий» взаимодействия

112 О'Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. 2009. № 1. С. 208, 211.

113 Spiegel S. Traditional space vs. Cyberspace: the changing role of geography in current international politics // Geopolitics. 2000. Vol. 5. № 3. P. 115 – 116, 121.

114 Graham M. Cyberspace. URL: <http://www.zerogeography.net/2011/11/cyberspace.html> (дата обращения: 12.10.2013).

115 Манойло А.В. Указ. соч. С. 73; Кириленко В.И. Указ. соч. С. 121.

116 Brunn S. Towards an understanding of the geopolitics of cyberspace: learning, re-learning and un-learning // Geopolitics. 2000. Vol. 5. № 3. P. 144 – 149.

117 Dodge M., Kitchin R. Mapping cyberspace. London – New York, 2001.

людей и территорий в техническом, социальном, политическом, культурном, экономическом и других измерениях.¹¹⁸

Характер географии действительно меняется, но она по-прежнему важна для развития ИП, визуализации и понимания его взаимосвязи с реальным пространством. Во-первых, и инфраструктура, и акторы ИП обладают конкретным географическим положением. Во-вторых, вследствие «цифрового разрыва», по земному шару ИП распределено неравномерно. Наблюдается и обратная зависимость. Примеры «Twitter – революций» в Африке и на Ближнем Востоке, деятельность «Wikileaks» и т.п. демонстрируют все большее влияние ИП на реальное пространство. Представляется, что по мере расширения, эволюции, роста числа акторов ИП, взаимосвязь двух пространств будет увеличиваться.

С проблемой неопределенности ИП связана дискуссия о роли и месте в нем государств. С одной стороны, «эрозия» суверенитета и «размывание» границ в реальном пространстве, вследствие глобализации, интеграции и роста новых акторов, с другой стороны, кажущаяся безграничность и свобода киберпространства породили сомнения как в существовании государств как акторов ИП, так и в судьбе государственных границ, территории и суверенитета. Так, еще в 1996 г. Дж. Барлоу в «Декларации независимости киберпространства» заявлял, что киберпространство находится вне суверенитета и границ любого государства.¹¹⁹

118 Zook M. The geographies of the Internet // Annual Review of Information Science and Technology. 2006. Vol. 40. Issue 1. P. 52 – 64.

119 Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Однако все больше исследователей указывают на важную, если не определяющую роль государств в ИП. Как указывал М. Кастельс, в условиях «сетевого общества» и его «созидательного хаоса» именно правительства ответственны за регулирование информационных потоков.¹²⁰ Не исчезает из научного дискурса и концепт суверенитета, как «информационный»,¹²¹ «сетевой»,¹²² «цифровой» суверенитет – «высшая власть установления порядка информационной коммуникации внутри государства, равное и независимое право государств создавать, передавать и использовать информацию без вмешательства извне».¹²³ По мнению В.Гонга, данный тип суверенитета изменчив и отличается относительностью, открытостью, прогрессивностью и прагматизмом, взамен абсолютного, закрытого, оборонительного и риторического характера классического суверенитета.¹²⁴

В действительности подтверждается скорее вторая точка зрения. Несмотря на то, что в ИП негосударственные акторы (от СМИ до индивидов) вполне успешно конкурируют с государствами, последние все активнее осваивают ИП как акторы и его главные регуляторы.

Многие страны пытаются связать физическое и виртуальное пространства, активно используя категории суверенитета и территории, хотя их подходы могут отличаться. Так, в КНДР доступ в Интернет крайне ограничен и включает лишь «одобренные» сайты, а инфраструктура поддерживается северокорейским про-

120 Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 134 – 135.

121 Gong W. Information Sovereignty Reviewed // Intercultural Communication Studies. 2005. № 1.

122 Шарифов М.Ш. Суверенная власть в киберпространстве и в сетевом пространстве // Современное право. 2009. № 6. С. 44.

123 Gong W. Op. cit. P. 11.

124 Ibid. P. 15.

граммным обеспечением.¹²⁵ Политика КНР, известная как «Великая Китайская Интернет-стена» (“Great China Firewall”), сочетает в себе массовое распространение Интернета с одновременной жесткой цензурой и блокированием доступа к сайтам.¹²⁶ Российский вариант «цифрового суверенитета» включает противодействие иностранным спецслужбам, защиту информации и создание отечественного программного обеспечения.¹²⁷ При этом РФ активно продвигает государство – центричный подход как принцип создания новых международно-правовых норм в рамках ООН, ШОС и БРИКС.¹²⁸ Здесь показателен пример российского проекта Конвенции о международной информационной безопасности, в которой говорится о суверенном равенстве государств в ИП, при этом суверенитет распространяется «на информационную инфраструктуру, расположенную на территории государства-участника или иным образом находящуюся под его юрисдикцией».¹²⁹

125 Северная Корея: Интернет в самой закрытой в мире стране. URL: <http://www.bfm.ru/news/202019?doctype=article> (дата обращения: 12.10.2013).

126 См. подробнее: Ибрагимов Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). Т.19. С. 169 – 184.

127 Железняк – о путях обеспечения цифрового суверенитета России. URL: <http://er.ru/news/2013/6/19/zheleznyak-o-putyah-obespecheniya-cifrovogo-suvereniteta-rossii/> (дата обращения: 12.10.2013).

128 Инновационные направления современных международных отношений / Под ред. А.В.Крутских и А.В.Бирюкова. М., 2010. С. 131; Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС. г.Санья, о.Хайнань, Китай, 14.04.2011. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A> (дата обращения: 16.03.2013); Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности. Шанхай, 15.06.2006. URL: <http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=107> (дата обращения: 14.03.2013).

129 Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). URL: http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2728_1.pdf (дата обращения: 12.10.2013).

В США и Европе отношение к суверенитету может иллюстрировать «Таллинское руководство по применению международного права к кибервойнам». В нем указывается, что существующее международное право, основанное на территориальности, применимо и к киберпространству, следовательно, государство обладает суверенитетом и юрисдикцией над инфраструктурой, расположенной на его территории.¹³⁰ Однако далее следуют отличия от подходов, описанных нами выше. Во-первых, на Западе не считают необходимым создание новых международно-правовых режимов, т.к. ИП поддается регулированию и в рамках традиционных норм.¹³¹ Во-вторых, суверенитет рассматривается применительно лишь к инфраструктуре, поскольку нарушением суверенитета можно считать деятельность, не влекущую причинение физического ущерба (т.е. информационно-психологическую, шпионаж и т.п.).¹³² В-третьих, суверенитет воспринимается не как «огораживание» или полный контроль государства, а скорее как принцип определения юрисдикции и международной ответственности. Это соответствует принятому в США и ЕС «многостороннему подходу» (multi-stakeholder approach),¹³³ положениям об открытости, свободе ИП¹³⁴ как про-

130 Tallinn manual on the international law applicable to cyber warfare / Ed. M.S. Schmitt New York, 2013. P. 25, 71.

131 Черненко Е. Виртуальный фронт // Коммерсантъ Власть. 2013. №20 (1025). С. 14.

132 Tallinn manual... P. 25.

133 A strategy for a Secure Information Society – Dialogue, partnership and empowerment. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European economic and social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 2006. URL: http://ec.europa.eu/information_society/doc/com2006251.pdf (дата обращения: 3.02.2013). P. 7 – 9.

134 United States of America International Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. May 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.10.2013). P. 5 – 7; Digital Agenda for

странстве, управляемом «множеством людей и заинтересованных сторон».¹³⁵

Разница в подходах может объясняться различными факторами: политическими, технологическими, экономическими. С этой точки зрения жесткий характер суверенитета будет характерен скорее для закрытых, авторитарных, «государств XIX и XX века» (в терминах С.Шпигеля), чья технологическая инфраструктура либо недостаточно развита, либо находится под контролем государства. Наоборот, для демократических, открытых и высокотехнологичных стран с развитым негосударственным сектором вопрос суверенитета в ИП не ставится, да и государственный контроль в полной мере в них едва ли осуществим.

Так или иначе, концепт «суверенитет» важен для понимания других важнейших и взаимосвязанных трендов – милитаризации и секьюритизации ИП. Так, И.Панарин определяет геополитическое информационное противоборство как систему мер, «проводимых одним государством с целью нарушения информационной безопасности другого государства, при одновременной защите от аналогичных действий со стороны противостоящего государства».¹³⁶ Модель кибервоенного потенциала Р. Кларка также включает «защиту» и «нападение», потенциал которых во многом определяется «независимостью», которая отчасти соответствует понятию «информационный суверенитет». Кларк ука-

Europe. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/our-goals/international> (дата обращения: 12.10.2013).

135 Демидов О. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). Т.19. С. 136.

136 Панарин И. Информационная война и геополитика. М., 2006. С. 173.

зывает на парадокс: чем менее развито ИП страны, тем больше ее независимость и устойчивость к угрозам.¹³⁷ Однако очевидно, что информационное превосходство государства прямо пропорциональны его включенности в информационные процессы. Данная дилемма заставляет государства искать оптимальные и сбалансированные варианты своего «цифрового суверенитета», силы и безопасности.

Стоит отметить, что война в ИП перестает рассматриваться лишь в терминах «информационно-психологической войны» или «мягкой силы», как «оружие массовых разрушений» (weapons of mass disruption).¹³⁸ Современные кибервойны могут приводить к серьезным последствиям в реальности,¹³⁹ что доказывает усиление взаимосвязи ИП и физического пространства и объясняет повышенное внимание со стороны государств.

Акторство государств выражается не только в перделе пространства, но в сотрудничестве. Несмотря на различия подходов, идет формирование режимов международной информационной безопасности в рамках ООН, Совета Европы¹⁴⁰ и других организаций, «дипломатизация» глобального управления Интернетом.¹⁴¹

137 Кларк Р., Нейк Р. Третья мировая война: какой она будет? СПб., 2011. С. 182

138 Гриняев С.Н. Указ. соч. С. 97.

139 Кларк Р., Нейк Р. Указ. соч. С. 136.

140 См. подробнее: Maurer T. Cyber norm emergence at the United Nations. 2011. URL: <http://www.un.org/en/ecosoc/cybersecurity/maurer-cyber-norm-dp-2011-11.pdf> (дата обращения: 14.02.2013); Tikk. E. Developments in the field of information and telecommunication in the context of international security: Work of the UN First Committee 1998-2012. 2012. URL: <http://ict4peace.org/wp-content/uploads/2012/08/Eneken-GGE-2012-Brief.pdf> (дата обращения: 3.02.2013); Vatis M.A. The Council of Europe Convention on Cybercrime. URL: <http://cs.brown.edu/courses/csci1950-p/sources/lec16/Vatis.pdf> (дата обращения: 15.02.2013).

141 Курбалия Й. Управление Интернетом. М., 2010. С. 166.

Набирает обороты «цифровая дипломатия» – использование новых технологий для решения дипломатических задач.¹⁴² «Дипломаты» в ИП начинают играть не меньшую роль, чем «солдаты».

Таким образом, ИП как новое (гео-) политическое пространство оказывает все большее влияние на мировые процессы. Несмотря на особую природу ИП, его связь с физическим пространством усиливается, при этом государства все активнее позиционируют себя как ведущие акторы ИП. Хотя подходы отличаются, в целом ИП воспринимается в традиционных категориях суверенитета, границ и территории. Государства выступают катализаторами взаимосвязанных процессов милитаризации, сескьюритизации и дипломатизации ИП, характерных и для других пространств. Усиление данных тенденций и включение большего числа стран приводит к новым формам сотрудничества и конфликтов, что нуждается в пристальном внимании и анализе со стороны научного сообщества.

Библиография

1. Быков А. Информационная сущность геополитики // Космополис. 2008. № 3(22). С. 26.
2. Василенко И.А. Геополитика в информационном обществе: новые виртуальные стратегии в борьбе за пространство // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 6. С. 7.

142 Пермякова Л. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты. 2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=862#top (дата обращения: 10.10.2013).

3. Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Мн., 2004.
4. Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС. г.Санья, о.Хайнань, Китай, 14.04.2011. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A> (дата обращения: 16.03.2013).
5. Демидов О. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). Т.19. С. 136.
6. Железняк – о путях обеспечения цифрового суверенитета России. URL: <http://er.ru/news/2013/6/19/zheleznyak-o-putyah-obespecheniya-cifrovogo-suvereniteta-rossii/> (дата обращения: 12.10.2013).
7. Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности. Шанхай, 15.06.2006. URL: <http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=107> (дата обращения: 14.03.2013).
8. Ибрагимова Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). Т.19. С. 169 – 184.
9. Инновационные направления современных международных отношений / Под ред. А.В.Крутских и А.В.Бирюкова. М., 2010.
10. Кириленко В.И. Информационное пространство как категория геополитики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 121.
11. Кларк Р., Нейк Р. Третья мировая война: какой она будет? СПб., 2011.

12. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). URL: http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2728_1.pdf (дата обращения: 12.10.2013).
13. Курбалийя Й. Управление Интернетом. М., 2010.
14. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003.
15. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013. С. 389.
16. Международные отношения в «новых политических пространствах» / Под ред. А.Д. Богатурова М., 2011. С. 169-191.
17. Нурышев Г.Н. Информационная геополитика: теоретико-методологические вопросы // Геополитика и безопасность. 2010. № 3(11). С. 37-38.
18. О'Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. 2009. № 1. С. 208, 211.
19. Панарин И. Информационная война и геополитика. М., 2006.
20. Пермякова Л. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты. 2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=862#top (дата обращения: 10.10.2013).
21. Северная Корея: Интернет в самой закрытой в мире стране. URL: <http://www.bfm.ru/news/202019?doctype=article> (дата обращения: 12.10.2013).
22. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 134-135.

23. Черненко Е. Виртуальный фронт // Коммерсантъ Власть. 2013. №20 (1025). С. 14.
24. Шарифов М.Ш. Суверенная власть в киберпространстве и в сетевом пространстве // Современное право. 2009. № 6. С. 44.
25. A strategy for a Secure Information Society – Dialogue, partnership and empowerment. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European economic and social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 2006. URL: http://ec.europa.eu/information_society/doc/com2006251.pdf (дата обращения: 3.02.2013). P. 7 – 9.
26. Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html> (дата обращения: 12.10.2013).
27. Brunn S. Towards an understanding of the geopolitics of cyberspace: learning, re-learning and un-learning // Geopolitics. 2000. Vol. 5. № 3. Pp. 144-149.
28. Digital Agenda for Europe. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/our-goals/international> (дата обращения: 12.10.2013).
29. Dodge M., Kitchin R. Mapping cyberspace. London – New York, 2001.
30. Graham M. Cyberspace. URL: <http://www.zerogeography.net/2011/11/cyberspace.html> (дата обращения: 12.10.2013).
31. Gong W. Information Sovereignty Reviewed // Intercultural Communication Studies. 2005. № 1.
32. Maurer T. Cyber norm emergence at the United Nations. 2011. URL: <http://www.un.org/en/ecosoc/cybersecurity/maurer-cyber-norm-dp-2011-11.pdf> (дата обращения: 14.02.2013).

33. Socio – Technical Theory. URL: <http://www.istheory.yorku.ca/sociotechnicaltheory.htm> (дата обращения: 12.04.2013).
34. Spiegel S. Traditional space vs. Cyberspace: the changing role of geography in current international politics // *Geopolitics*. 2000. Vol. 5. № 3. P. 115 – 116, 121.
35. Tallinn manual on the international law applicable to cyber warfare / Ed. M.S. Schmitt. New York, 2013.
36. Tikk. E. Developments in the field of information and telecommunication in the context of international security: Work of the UN First Committee 1998-2012. 2012. URL: <http://ict4peace.org/wp-content/uploads/2012/08/Eneken-GGE-2012-Brief.pdf> (дата обращения: 3.02.2013).
37. United States of America International Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. May 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.10.2013).
38. Vatis M.A. The Council of Europe Convention on Cybercrime. URL: <http://cs.brown.edu/courses/csci1950-p/sources/lec16/Vatis.pdf> (дата обращения: 15.02.2013).
39. Zook M. The geographies of the Internet // *Annual Review of Information Science and Technology*. 2006. Vol. 40. Issue 1. Pp. 52-64.

Социальные медиа в современных геополитических процессах

Появление социальных медиа привело к формированию современных форм внешнеполитической коммуникации, которая трансформирует современную систему международных отношений, влияет на деятельность государственных институтов, формирует представления и отношение к стране в целом. Дипломатические учреждения также активно используют сетевые возможности для общения с внутренней и внешней аудиторией в режиме онлайн с целью формирования чувства причастности гражданина к внешнеполитическим шагам государства. Через создание пользовательских профилей в различных социальных сетях МИД и дипломатические миссии «рассказывают» о своей деятельности, формируют отношение к внешней политике государства, оказывают влияние на сознание целевых групп (создание ощущения «мое мнение является определяющим»), а также социальные сети способствуют обмену информацией между общественностью и государственными учреждениями.

В 2008 году на конференции «Потенциальное влияние инструментов социальных сетей на борьбу с терроризмом и правительственными репрессиями, на примере Facebook» (г. Нью-Йорк, США) появляется термин «дипломатия Facebook» как особый вид дипломатической деятельности связанный с потенциалом «мягкой силы». Эксперты пришли к заключению, что ис-

пользование инструментов социальных медиа можно эффективно преодолеть проблемы терроризма в мире, повысить уровень открытости общества, противостоять распространению негативной информации о деятельности правительственных учреждений. Такой вид дипломатии рассматривается американскими исследователями как гибрид публичной или общественной дипломатии, аналогично можно сравнить с другими социальными платформами такими, как Twitter («Twitter дипломатия»), Google («Google дипломатия») и другие.¹⁴³

Примером использования социальной сети «Facebook» в борьбе с экстремистскими группировками является организация широкомасштабных демонстраций в Колумбии против левых партизан FARC с помощью сети Интернет (февраль, 2010 года). Государственный департамент США также активно использует социальную сеть «Twitter» для общения с общественностью, в частности, дипломатические учреждения страны уже несколько лет создают собственные профили в различных социальных медиа для поддержания связи с различными целевыми группами.¹⁴⁴ Эффективность распространения информации через подобные каналы демонстрирует исследование компании «Sysomos», например, с 1,2 миллиарда записей на «Twitter», всего 29 % привели к немедленной ответа на сообщение или его дальнейшей пере-

143 Brown R. Diplomacy, Public Diplomacy and Social Networks // Institute of Communications Studies. University of Leeds. 2010. February. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/4/1/3/0/7/pages413076/p413076-1.php

144 Facebook diplomacy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Facebook_diplomacy; Facebook diplomacy: peace may be just a click away. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eneews.ma/facebook-diplomacy_i110442_7.html

сылке, при этом лишь 6% всех новых сообщений является пересылкой чужих «новостей». Также в ходе исследования установлено, что более 97 % обмена сообщениями происходит в первый час после появления оригинального сообщения.¹⁴⁵

Компания CNN также проанализировала каналы распространения новостей международными читателями. В результате исследования было установлено, что 43 % новостей распространяются через социальные медиа, включая «Facebook», «Twitter», «MySpace» и «YouTube». Среди других каналов распространения новостного контента является электронная почта – 30 %, SMS – 15 % и мгновенные сообщения через систему ICQ. При этом лишь 27 % пользователей распространяют 87% всех новостей, также существуют региональные особенности, в частности, лица, проживающие в Северной Америке и Европе, распространяют новости, которые они считают интересными, тогда как жители Азиатско-Тихоокеанского региона делятся историями, которые укрепляют их верования и позволяют выделить себя среди других пользователей.¹⁴⁶ Таким образом, современные медийные платформы разработаны для удовлетворения личностных потребностей самовыражения, потому что за пирамидой Г. Маслоу, самовыражения является самой потребностью человека, опережая признание и общение. Социальные медиа стали технической и социальной основой создания своего виртуального «Я», каждый

145 Cheng A., Evans M. An In-Depth Look Inside the Twitter World / By Sysomos Inc. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sysomos.com/insidetwitter/>

146 Васильев А. CNN: 43% новостей передается по социальным медиа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.publiciti.ru/ru/news/1cnn-43-novostei-peredaetsya-po-sotsialnym-media11>

желающий получил возможность не просто общаться и творить, но и делиться своим опытом и достижениями с многомиллионной аудиторией.

В Украине также активно развиваются различные социальные медиа как составляющая не только личной, но и политической жизни. Хотя, преимущественно неправительственные организации создают профили в различных социальных сетях и общаются с разными целевыми группами, привлекая их к своей «не виртуальной» деятельности. Например, в апреле 2009 года открылась украинская политическая социальная сеть «politiko.com.ua», в которой созданы условия для политической и общественной деятельности в режиме онлайн: общение в группах, ведение блога, дискуссия на дебатах, высказывание полезных идей, возможность оценить деятельность партий и политиков. На портале каждый желающий может зарегистрировать собственный профиль, который позволит ему выражать мнения о действиях политиков, искать единомышленников. С середины 2000-х годов действует форум Министерства финансов Украины (<http://forum.minfin.gov.ua/index.php>), на котором после регистрации можно обсуждать различные экономические темы по рубрикам «новости» (опровержение, официальные мероприятия, важная информация), «ответы и вопросы», «точка зрения». Со времени своего существования на форуме зарегистрировалось 753 участника, которые в целом обсудили более 300 актуальных тем. В 2010 году заработали аккаунта МИД Украины на «Facebook», «Twitter» и «YouTube».

Однако социальные медиа и их влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства нельзя оценить однозначно положительно, существует перечень реальных угроз, с которыми

может столкнуться политическая власть любой страны мира, а именно:

– использование социальных сетей для популяризации не только идей мира и безопасности, но и для объединения лиц с экстремистскими взглядами (мобилизация и организация этнических конфликтов или террористических атак);

– соблюдение безопасности защиты персональных данных в социальных сетях является не совершенным, несмотря на встроенные возможности защиты собственного профиля от «нежелательных гостей»;

– нарушение авторских прав на контент размещенный в социальных сетях (не ограничено распространение аудио – и видеoinформации);

– распространение информации в социальных сетях и создания групп по интересам позволяет распространять мгновенно сообщения дискредитирующих политическую власть государства или наоборот поддерживают решительные шаги правительства (при этом сложно предсказать «силу» обратной связи);

– «вмешательство» во внутренние дела государства неправительственными организациями или отдельными лицами достаточно легко скрыть с помощью создания профиля в социальной сети и размещение на нем комментариев для политической элиты или правящей власти (с помощью подобной активной виртуальной деятельности можно осуществлять давление на правительственные институты власти).

Социальные медиа как инструмент внешнеполитической коммуникации позволяет не только информировать об успехах и достижениях государственных институтов, но и осуществлять

«максимально скрытое манипулирование» общественным мнением для давления на органы власти или организации различных выступлений. Сейчас исследователи могут лишь описать феномен «социальные медиа», но прогнозировать его развитие, а, следовательно, и управлять этим процессом нелегко.

Библиография

1. Васильев А. CNN: 43% новостей передается по социальным медиа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.publiciti.ru/ru/news/1cnn-43-novostei-peredaetsya-po-sotsialnym-media11>
2. В Україні відкривається політична соціальна мережа «Politiko». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novynar.com.ua/politics/63764>
3. Brown R. Diplomacy, Public Diplomacy and Social Networks // Institute of Communications Studies. University of Leeds. 2010. February. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.allacademic.com//meta/p_mla_apa_research_citation/4/1/3/0/7/pages413076/p413076-1.php
4. Cheng A., Evans M. An In-Depth Look Inside the Twitter World / By Sysomos Inc. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sysomos.com/insidetwitter/>
5. Facebook diplomacy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Facebook_diplomacy
6. Facebook diplomacy: peace may be just a click away. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eneews.ma/facebook-diplomacy_i110442_7.html

Информационный фактор в динамике современных геополитических процессов

Роль информации, в частности, ее целевого применения возрастает: отрабатывается мастерство манипуляций информацией, появляются концепции ведения информационных войн, совершенствуется информационное оружие. Последствия информатизации оказывают значительное влияние на функционирование общественных организмов, что влечет конструирование социальных и политических технологий деформации окружающего мира. В развитии геополитических процессов данные технологии зачастую приобретают ведущее значение – системы ценностей легко выстраиваются и так же легко рушатся в соответствии с целями субъектов управления. В условиях активизации целенаправленных попыток трансформации геополитической картины мира стремительно возрастает проблема значимости межнациональных, межрелигиозных, межэтнических отношений, поскольку в турбулентной социальной реальности традиционные устои преобразуются, приобретают непредсказуемые, новые черты и формы. Социокультурные ценности стали активно использоваться как предмет манипуляций, которые, в частности, инициируются в социальных сетях, что порождает геополитические процессы, функционирующие как особые формы международной напряженности, искусственно разжигаемые до уровня исламофобии, ксенофобии и антисемитизма, в результате чего региональные

проблемы раздуваются до уровня глобальных. Все это влечет определенные бенефиции субъектам, профинансировавшим искажение.

В свете обозначенной мысли представляется важным учитывать тенденцию вмешательства во внутренние дела государств внешних субъектов управления. Сегодня активизирована работа по созданию иницируемых и управляемых извне противоречий и конфликтов для последующего инициирования и обоснования легитимных действий в форме силового вмешательства. В настоящее время геополитическое пространство «переформатируется» – учитывая ситуацию на Ближнем Востоке и в странах Северной Африки, процесс подпитки антигосударственных идей – как идеологически, так и материально – ведется постоянно со стороны неправительственных и даже государственных структур при определенной поддержке спецслужб. Процессы дестабилизации геополитической реальности, обусловленные внешними игроками, В. В. Путин назвал «ракетно – бомбовой демократией»¹⁴⁷. Представляется, что стремление «внедрить» демократию в таких случаях находит отражение в серьезных потерях нации – в культурном, территориальном, экономическом пространствах. Проблема заключается и в том, что неоднозначность такой демократии ставит вопрос о ее общечеловеческой ценности. Однако любые значительные изменения в социальной, политической, экономической системах будут эффективны при условии, если это результат естественноисторического развития. Автор полага-

147 См.: Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--d1abbgfbaiiy.xn--p1ai/news/17118>

ет, что фундаментом геополитической мощи государства от внешнего вмешательства в данном случае может являться социально – психологическая сила нации, базирующаяся на сплоченности, самоидентификации, понимании своего исторического прошлого, чувстве патриотизма и гражданской ответственности.

На основании данных фактов, автор полагает, что применение современных информационно-телекоммуникационных технологий в попытках (большой частью, успешных) трансформации геополитического пространства необходимо изучать с позиций международного развития. Интернету присущ трансграничный характер, поэтому действия участников Сети должны рассматриваться через призму международно-правовых норм, которые на современном этапе еще не выработаны. Если для государства характерно наличие чётко установленных границ, в рамках которых осуществляется его юрисдикция, то в ходе формирования глобального информационного общества эти границы размываются и переходят в разряд условных. Поэтому одной из задач, стоящих перед современной политологией как научным инструментом в ракурсе построения эффективной системы государственной власти является разработка теоретического и практического инструментария для урегулирования взаимоотношений участников информационных отношений как внутри государства, так и за его пределами.

Итак, роль информационного фактора в трансформации геополитической обстановки видится как явление, требующее внимания научного и экспертного сообществ, поскольку влияние, которое оказывают внешние субъекты в угоду своим политическим предпочтениям, формирует векторы общественно – политиче-

ского развития государства. Автор полагает, что турбулентность современного мира основывается на технологиях управления социальной действительностью, что требует принципиально новой методологии в оценке и прогнозировании геополитических процессов. Сегодня имеет смысл говорить об информационном факторе геополитической динамики, который формирует новое качество геополитического пространства. При недостаточном внимании к данной проблеме оказывается под угрозой национальная безопасность России.

Библиография

1. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--d1abbgf6aiiy.xn--p1ai/news/17118>

Угрозы безопасности Украины в информационном пространстве

Аннотация Проведен анализ ситуации в информационном пространстве Украины и определены проблемы в сфере защиты национальной информационной безопасности. Прежде всего, это касается асимметрии информационных потоков: большая часть национального информационного пространства заполнена продукцией неукраинского происхождения при отсутствии адекватных информационных потоков из Украины на зарубежные сообщества.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное пространство, информационное влияние.

Украинское информационное пространство формируется в сложных условиях, вызванных как трудностями внутреннего характера государственного строительства, так и мощным воздействием внешних факторов. Прежде всего, это касается асимметрии информационных потоков: речь идет о мощном информационном воздействии стран-соседей на национальное информационное пространство и отсутствии адекватных информационных потоков из Украины на зарубежные сообщества. По данным аналитических исследований в Украине около 80% эфирного времени телетрансляций заполнено продуктом неукраинского происхождения.

Важным достижением информационной политики нашего государства стало утверждение в 2009 г. Доктрины нацио-

нальной безопасности Украины. Основной целью реализации положений Доктрины является создание в Украине развитого информационного пространства, обеспечение информационного суверенитета государства, обеспечение экономического и научно-технологического развития Украины, формирование положительного имиджа Украины, интеграция Украины в мировое информационное пространство.¹⁴⁸ В отдельных положениях Доктрины изложены реальные и потенциальные угрозы информационной безопасности Украины. Среди которых: информационная экспансия иностранных государств (увеличение присутствия иностранных СМИ в информационном пространстве Украины, рост количества отечественных СМИ, которые принадлежат иностранным собственникам, противоправный сбор, получение, использование и распространение информации с целью дискредитации международного имиджа Украины, провокации с целью обострения внутренних противоречий и напряжения в обществе); мероприятия иностранных государств относительно радиоэлектронного влияния и радиоэлектронного подавления средств массовой информации в Украине, развязывание противостояния в информационно-компьютерных сетях (нарушение эффективности функционирования средств телевидения и радиовещания, особенно в пограничных районах страны, целенаправленное распространение компьютерных вирусов и специальных программ перехвата информации в глобальных и локальных компьютерных сетях и т. п.). Следует отметить, что несмотря на актуальность

148 Доктрина інформаційної безпеки України (2009 р.). [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=514%2F2009>.

информационной составляющей национальной безопасности Украины, сегодня в отечественном законодательстве отсутствует норма, которая бы содержала четкую дефиницию понятия *информационная безопасность*. Так, Закон Украины «Об основах национальной безопасности Украины» (2003), Доктрина информационной безопасности Украины (2009) и другие базовые нормативно-правовые акты в сфере информационных отношений юридически не закрепляют названное понятие.

Единственное полное определение понятия «информационная безопасность» содержится в Законе Украины «Об основных принципах развития информационного общества в Украине на 2007-2015 годы», где указано, что это – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, которое предотвращает причинение вреда вследствие: неполноты, несвоевременности и недостоверности используемой информации; негативного информационного влияния; негативных последствий применения информационных технологий; несанкционированного распространения, использования и нарушения целостности, конфиденциальности и доступности информации (ч. III, п. 13).¹⁴⁹

Актуальной проблематике информационного пространства Украины посвящено немало научных трудов отечественных исследователей. В частности, следует назвать, прежде всего, фундаментальные монографии Г. Г. Почепцова, Е. А. Макаренко, Е. В. Зернецкой, Н. А. Ожевана, В. М. Бебика, А. Литвиненко. Отдель-

149 Закон Украины «Об основных принципах развития информационного общества в Украине на 2007-2015 годы» № 537-V от 09.01.2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=537-16>.

ных аспектов темы касались в своих работах молодые украинские ученые А. Андреева, Д. Дубов, В. Парфенюк, А. Шинкарук и др. В частности, исследователи отмечают существующие и потенциальные угрозы в отечественной информационной сфере: несбалансированность политико-правовой базы, отсутствие необходимой информационной инфраструктуры, проблемы вхождения украинского государства в мировое информационное пространство, внешняя информационная экспансия и т.д.¹⁵⁰

Формирование национального информационного пространства связано со многими проблемами как внутреннего, так и внешнего характера. Интересные аспекты информационной безопасности Украины затрагивает «Доклад СНБО Украины по вопросам обеспечения национальной безопасности в информационной сфере».¹⁵¹

Документ обращает внимание на потенциал и эффективность информационной экспансии других государств, способной деструктивно влиять на формирование общественного мнения в Украине и дестабилизировать внутреннюю ситуацию. Было отмечено, что отдельные части территории государства, особенно пограничные, недостижимы для отечественных вещателей, поскольку находятся под информационным влиянием соседних стран. Это предопределяет распространение в информационном пространстве Украины и на международном уровне тенденциозного освещения внутривитических процессов и внешнеполитических акций государства.

150 Інформаційна політика України: європейський контекст: Монографія / Л. В. Губерський, Є. Є. Камінський, Є. А. Макаренко. К.: Либідь, 2007. 360 с.

151 Доклад Секретаря СНБОУ Р. Богатирьовой о вопросах обеспечения национальной безопасности в информационной сфере [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rainbow.gov.ua/news/662.html>

Кабельными сетями распространяются программы многих иностранных телекомпаний. В частности, в эфире западного региона Украины (на границе установлено 6 иностранных мощных теле-и радиопередатчиков) активно присутствуют польские, венгерские, румынские телерадиокомпании. В Закарпатье свободно распространяют свои информационные продукты, фактически вне конкуренции, 83 радиостанции трех соседних стран – Словакии, Польши и Венгрии. Возможность приема государственных украинских телерадиопрограмм на территории Российской Федерации значительно меньше, чем российских программ на Востоке Украины из-за отсутствия адекватной мощной технической базы для распространения украинских телерадиопрограмм в РФ. Присутствие «Голоса России» и радиокompании «Содружество», транслируемых Концерном РРТ, в информационном пространстве Украины как по объемам вещания, так и по мощности сети в несколько раз превышает наличие в эфире программ украинского государственного радиовещания.¹⁵²

Ассиметрия информационных потоков не в пользу Украины усилилась в связи с ликвидацией в 1990-х гг. Быковнянского радиопередающего центра, передатчики которого работали на Западную Европу, юго-запад Африки и Западную Европу, запад и центр России. На повестке дня полное закрытие Броварского радиоцентра, отдельные передатчики которого транслировали программы Национальной радиокompании Украины. 12 июня 2013 г. была демонтирована 180-метровая вышка передающего центра в Броварах (раньше использовалась для СВ-вещания; до 1 янва-

152 Інформаційна політика України: європейський контекст: Монографія / Л. В. Губерський, Є. Є. Камінський, Є. А. Макаренко. К.: Либідь, 2007. С. 118.

ря 2013 года транслировалась единственная оставшаяся радиостанция «Проминь» на 549 кГц). До 1988 года броварские радисты глушили все «вражеские» тогдашней общественной системе голоса. Среди них были – «Голос Америки», «Радио Свобода», «Радио Би-Би-Си», «Немецкая волна», «Свободная Европа» и другие ведущие международные радиостанции. (В 90-е годы упомянутые станции предоставляли услуги распространения ранее запрещенных программ.) Остановлена также работа передатчика Львовского РТПЦ, который работал на юго-восток Африки и Австралии с объемом вещания 2 часа в сутки, мощностью 1000 кВт. и охватывал США, Великобританию, Францию с объемом вещания 5 часов/сутки и восток и юг Южной Америки – 6 часов/сутки; не работают передатчики Николаевского РЦ, осуществлявшие трансляцию на восток Канады и США с объемом вещания 24 часа сутки, мощностью 1000 кВт.¹⁵³

Вещание за границу с помощью мощных радиопередатчиков – затратная отрасль, она требует миллионы киловатт часов электроэнергии, дорогостоящих радиоламп и других материальных средств, которые сложно выделить из скромного украинского бюджета. Если до 1995 года программы Всемирной службы радио Украины принимались практически в каждой точке земного шара, то сегодня радиус охвата национальными программами ограничен в десятки раз, и это уже – проблема национальной безопасности страны.

При этом необходимо отметить, что Украина выступает перманентно объектом информационного влияния, прежде всего, Российской Федерации. Этому способствует языковой фактор – рус-

153 Там же.

ский язык понимает более 90% населения Украины. В результате целенаправленной работы российской стороны на сегодняшний день в кабельных сетях Украины осуществляют ретрансляцию «Первый канал», «НТВ-мир» и другие. «Первый канал» имеет приоритет на российском ТВ в распространении критических высказываний и сюжетов в адрес украинской государственности, официального языка, граждан Украины. Так, в художественных фильмах производства РФ, которые демонстрируются на российских и украинских каналах ТВ, украинцы представлены в негативном образе. В фильме «Брат 2» персонажи неоднократно называют украинцев «хохлами», выражают в их адрес презрительные оскорбительные выражения. В фильме «Матч» отрицательные герои почему-то разговаривают на украинском языке и носят жёлто-голубые повязки.

Следующим по значению средством влияния на широкие массы населения в государстве со стороны РФ является пресса, в частности газеты. Сегодня в Украине издаются общенациональные украинские версии российских изданий – «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Известия», «Аргументы и факты» и других. Этот фактор используется в полной мере, ведь в информационной войне аналитический или развлекательный материал может иметь влияние на аудиторию не менее, чем прямая политическая реклама. При этом российский капитал входит не только в сферу телерадиовещания и печатных СМИ, а и в сегмент розничной продажи прессы, где создаются условия для вытеснения отечественной периодики в пользу российских и пророссийских изданий.

В качестве средства информационного воздействия широко используется Интернет. При этом применяются как имеющиеся,

так и специально созданные Интернет-ресурсы. Подавляющее большинство таких ресурсов расположено за пределами Украины на зарубежных серверах, сохраняя лишь принадлежность к украинскому сегменту глобальной сети (URL-адреса). Такие Интернет-издания («Новый регион», «Регнум», «Провокация» и др.) популяризируют среди украинской аудитории идеи сепаратизма и несут элементы угрозы территориальной целостности государства. Политическое давление играет в данном спектре особую роль: делается акцент только на минусах присоединения Украины к Зоне свободной торговли с Евросоюзом и плюсах – к Таможенному Союзу России, Белоруссии и Казахстана, аналогично однобоко освещаются историческая, экономическая и геостратегическая тематики. При этом к таким Интернет-ресурсам невозможно применить правовые механизмы наказания в виду неопределенности в отечественном законодательстве правового статуса интернет-изданий и отсутствия механизмов государственного контроля над распространением информации с их использованием.

Существует реальная опасность преимущественного информационного влияния на Украину иностранных информационных центров. Тенденциозное освещение политических процессов зарубежными телерадиостанциями деформирует образ Украины как общества и государства, негативно влияет на международный авторитет и на защиту национальных интересов. Обеспечение эффективного присутствия Украины в мировом информационном пространстве требует таких действий со стороны государства в международной сфере: финансовая и правовая поддержка создания и распространения украиноязычной информационной

продукции, распространение в мире отечественного культурно-художественной и печатной продукции, соблюдение принципов Европейской конвенции прав человека, международных документов в области межгосударственного информационного сотрудничества.

Библиография

1. Доклад Секретаря СНБОУ Р. Богатирьовой о вопросах обеспечения национальной безопасности в информационной сфере [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rainbow.gov.ua/news/662.html>
2. Доктрина інформаційної безпеки України (2009 р.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=514%2F2009>.
3. Закон Украины «Об основных принципах развития информационного общества в Украине на 2007-2015 годы» № 537-V от 09.01.2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=537-16>.
4. Інформаційна політика України: європейський контекст: Монографія / Л. В. Губерський, Є. Є. Камінський, Є. А. Макаренко. К.: Либідь, 2007. 360 с.

Авторы

Басова Дарья Владимировна – студентка факультета политологии МГИМО (У) МИД России, daryara@yandex.ru

Бахчиванжи Валерия Петровна – студентка факультета политологии МГИМО (У) МИД России, valeria.bah@yandex.ru

Братина Дмитрий Николаевич – соискатель Института мировой экономики и международных отношений Национальной академии наук Украины, научный руководитель: профессор Макаренко Е.А. dbratina87@gmail.com

Виловатых Анна Вячеславовна – преподаватель кафедры социологии, руководитель военно-научного общества социологов Военного университета Министерства обороны РФ, vilkavulkan@yandex.ru

Голованова Валентина Андреевна – студентка факультета географии и геоэкологии СПбГУ, valenti92@yandex.ru

Доманов Алексей Олегович – магистрант МГИМО (У) МИД России по направлению зарубежное регионоведение, domanov.aleksey@gmail.com

Егоров Даниил Владимирович – магистрант факультета географии и геоэкологии СПбГУ, gelios92@mail.ru

Жирнова Лидия Сергеевна – магистрант МГИМО (У) МИД России по направлению зарубежное регионоведение, lidia.zhirnova@yandex.ru

Кабанов Юрий Андреевич – студент отделения прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики», г. Санкт – Петербург, kabanov_igud@mail.ru

Кучинов Артемий Михайлович – студент факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, arkuchinov@yandex.ru

Ляховенко Олег Игоревич – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, evilisinside@mail.ru

Манжина Надежда Андреевна – магистрант МГИМО (У) МИД России по направлению зарубежное регионоведение, vesper08@mail.ru

Окунев Игорь Юрьевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России, : iokunev@mgimo.ru

Орлеанский Николай Николаевич – студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, orleanskiyn@gmail.com

Пипченко Наталия Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры международной информации Института международных отношений Киевского национального университета имени Т. Шевченко, nataliyapo@gmail.com

Полонская Дарья Дмитриевна – аспирант кафедры политических наук РУДН, dpolonskaya@yandex.ru

Ренард-Коктыш Анна Витальевна – магистрант МГИМО (У) МИД России по направлению политология, renard.anna@gmail.com

Савин Сергей Олегович – студент факультета политологии МГИМО (У) МИД России, savinsergeys@gmail.com

Талыбов Полад Захид оглы – студент факультета политологии МГИМО (У) МИД России, polad.zt@gmail.com

Туров Никита Леонидович – студент факультета географии и геоэкологии СПбГУ, nikitaturov@yandex.ru

Примечания

Научное издание

Критическая геополитика
Сборник статей. Выпуск № 1

Директор издательства Лисина Е. А.
Научный редактор Сердечная В.В.
Ответственный редактор Лосева К.А.
Технический редактор Николаев М.В.
Корректор Корниенко Н.В.
Верстка и дизайн Пучков М.А.

Подписано в печать 28.02.2014. Формат 60x84/16
Гарнитура «Times». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печатные листы: 9,3. Тираж 150 экз. Заказ № 6800.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением издательства.
Печатается в авторской редакции.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»
142400, г. Ногинск, ул. Рогожская, д. 7.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
«Книга по Требованию». 127918, г. Москва, Сущевский вал, д. 49.

ISBN 978-5-905277-34-4

9 785905 277344